

ФАВОРИТКИ

Александр Шапочкин
Алексей Широков

Fantasy-world

Александр Шапочкин

Фаворитки

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Шапочкин А. И.

Фаворитки / А. И. Шапочкин — «Издательство АСТ»,
2018 — (Fantasy-world)

ISBN 978-5-17-106938-4

Война с турками осталась позади. Но Кузьме «Варлоку» Ефимову ещё только предстоит выяснить, что мирная жизнь может таить в себе куда больше опасностей. И новый титул герцога не поможет, если на тебя охотятся цесаревны. А ведь есть ещё бандиты, наёмники, желающие загрести жар чужими руками, и хитрые аристократы, плетущие свои интриги. Радует одно, пусть император и запретил до свадьбы отношения со своей младшей дочерью, фаворитки заскучать не дадут. А в такой компании можно хоть в Америку на суд, хоть к бабушке на блины.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-106938-4

© Шапочкин А. И., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Шапочкин, Алексей Широков

Фаворитки

© Александр Шапочкин, Алексей Широков, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

Проснувшись, я не сразу открыл глаза, не желая вновь увидеть над головой белый потолок своей комнаты в общежитии, словно бы в насмешку рассечённый на две части волнистой линией небольшого уступа. Наверное, дизайнер интерьера посчитал, что подобные изыски придутся жильцам по вкусу, однако лично меня эта неровная поверхность, которую приходилось видеть каждое утро, – всегда раздражала. Хотя вру. Причину я знал абсолютно точно. Просто мне очень хотелось бы утром проснуться под совсем другим потолком, но – не судьба. Да и вообще «хорошего понемножку».

Несмотря на то, что произошло между мной и Ниной в номере клуба «Регалия», ни о какой совместной жизни не могло быть и речи. По крайней мере, пока. Её императорскому высочеству цесаревне Нине Святославовне, даже несмотря на то, что в колледже она находилась вроде бы как инкогнито и носила фамилию Весомовой, перешедшую к ней от бабушки со стороны матери, вместе с потомственным титулом, приходилось вести себя в рамках определённых приличий. Придерживаться которых и ей и мне с каждым днём становилось всё труднее, однако высокое положение обязывало.

И тем не менее за прошедшие пару недель мы таки уединялись раза два, ну – может быть три. Если, конечно, считать тот случай в десантном отсеке «Карателя», куда Нинка со сверкающими глазами и покрасневшим лицом затащила меня позавчера, когда я подвозил её из колледжа домой. Я ещё поначалу не понял, зачем она велела припарковаться в одном из тихих дворики учительских таунхаусов, в это время дня обычно пустовавших.

– Проснулся уже? – полный энтузиазма голос заставил меня приоткрыть один глаз и покопаться на его обладателя, тощего паренька, сидевшего в одних боксёрах и майке-алкоголичке за компом, принадлежавшим когда-то Андре. – Чаю будешь?

– Я опять стонал во сне? – спросил я своего нового соседа.

С тех пор как моя рыжая подруга официально превратилась из паренька Андре в Андриану, зарезервированное под неё место немедленно освободили и ко мне подселили очередное недоразумение. Звали его Егор Дубный и, в отличие от большинства местных детишек, он был таким же простолюдином, как и я. Сыном сержанта морской пехоты Его Императорского Величества Черноморского флота. В прошлом году он занял третье место на Общеимперской юношеской олимпиаде магических искусств, а в качестве приза выбрал обучение в Колледже Первой лиги. Первые пару месяцев парень жил в нашей же общежитии, но на два этажа выше, но не смог поладить со своим соседом, а потому, когда Ле Жак был официально отчислен из колледжа, их быстренько расселили.

М-да... Ле Жак, Ле Жак. Судьба этой семьи оказалась печальна. Жан-Клод, по приезду на Лубянку быстро потерявший весь свой гонор и спесь, давал показания следователям, и они там нарыли нечто такое, что грозило ему очень и очень большими неприятностями. Ни в чём не повинный, в общем-то, Андре, который, как оказалось, и наркотик «Попаданец» решился попробовать исключительно из желания убежать в «другую реальность» от тирании отца, был помещён в довольно серьёзную ведомственную клинику на полное медицинское обследование, где у него обнаружили проблемы психологического характера. Ну а Андриана...

Моя рыжая соседка звалась теперь Лежакина и значилась Нинкиной фрейлиной-компаньонкой. Под этой фамилией она и числилась ныне в колледже, официально проживая в особняке со своей госпожой. Причём девчонка буквально расцвела, а уж когда она в первый раз появилась на своём факультете в новенькой форме женского кроя, эффект, говорят, был равен взорвавшейся бомбе.

– Не, – Егор помотал своей почти чёрной шевелюрой и зевнул. – Ты и вчера спал хорошо, и сегодня. Я же говорил, что «Ловец снов», да ещё и напитанный под самую завязку – сработает. А ты не верил!

– Я привык думать, что это фигня, – я посмотрел на болтающееся над кроватью деревянное кольцо, оплетённое паутиной из ниточек с висюльками и кучей пёрышек. – Всего лишь эзотерический сувенир, который обычно впаривают разным экзальтированным простакам.

– Что недалеко от истины, – улыбнулся парень, вновь поворачиваясь к компу, беря стилус-перо и склоняясь над графическим планшетом. – Весь фокус в том, кто его делает и сколько Сансары содержат в себе нити. Да и как ты сам, наверное, понимаешь, никакие «сны» он не ловит, всего лишь фокусирует канал, вытягивающий из спящего отрицательные эманации.

– Ты что? Всю ночь работал? – спросил я, садясь на кровати.

– Угу, – ответил он, не отрывая взгляд от монитора, на котором в трёхмерном редакторе вращалась злобная морда какого-то монстра. – Дедлайн на носу. Модельку сдавать надо, а у меня из-за занятий ещё и конь не валялся. Сам понимаешь, однажды пропустишь сдачу, потом сто раз подумают, работать ли с тобой дальше.

– На уроки-то пойдёшь? – я начал быстрый комплекс разминочных упражнений, из-за которых Егор был вынужден подвинуться немножко в сторону. – Или сегодня забьёшь?

– Думаю, прогуляю, – секунд через пять ответил мне парень. – Надо выспаться, а потом ещё для местного заказчика халтурку наваять. Сказать по правде, Кузь, дико раздражает необходимость вкалывать на двух работах. Я ж человек по природе своей прогрессивный – то есть ленивый до безобразия.

Минут пять мы молчали. Я перешёл к глубокой тренировке, а Дубный вновь взялся за своего орка, которого он уже почти неделю ваял для какой-то американской виртуально-игровой компании. Именно из-за своей работы, а рисовал он в основном по ночам, Егор и не сумел ужиться со своим предыдущим соседом, которому в силу тонкой душевной организации то мешал спать постоянно включённый монитор, то скрип пера, то ещё что-то.

– Ты, главное, смотри, чтобы тебя преподы потом в оборот не взяли, – произнёс я, выходя из задумчивости.

– Да там всё окей, – он посмотрел на меня и вздохнул, – сегодня у нас история культуры. Целый день Григорович лекции читать будет на тему Хараппанской цивилизации, а я про неё и так много чего знаю. Ну, а если что, у нас в группе принято не только конспекты вести, но и видео делать, а затем на «мыло» всем одноклассникам рассылать. А перед преподам меня отмажут... есть договорённости.

– Так, – сделав последнее движение, от которого по воздуху поплыли алые энергетические линии, плавно вышел в завершающую форму «молящегося» и резко стряхнул с кистей излишки сансары, осыпав искрами полкомнаты. – Я в душ.

– Ты меня когда-нибудь до инфаркта доведёшь! – выдохнул Егор. – Мне каждый раз кажется, что сейчас всё вокруг полыхнёт...

– Это нормально, – ответил я, подхватывая со спинки кровати полотенце. – Ты, как Аколит, просто чувствуешь опасность от резкого сброса энергии, вот тебе и не по себе.

– От такого – любому будет не по себе, – тяжело вздохнул парень и покачал головой. – Мне даже трудно представить, что человек вообще может обладать такими возможностями и при этом быть... ну. Как бы это сказать. Своим в доску, что ли. Пусть даже мы и знакомы без году неделя.

– Много ты обо мне знаешь, – невесело усмехнулся я. – Может быть, я кровавый беспринципный монстр, которому человека убить, что тебе печенку съесть? А хорошим парнем я просто прикидываюсь?

– Ты знаешь, – сосед очень серьёзно посмотрел на меня, – что мой отец – военный.

– Ну...

– Так вот, он об этом обычно говорит точно так же, – Егор взъерошил свои волосы на голове и, помолчав пару секунд, добавил: – Особенно после налётов на перевалочные базы османских работорговцев в одесских лиманах. Там же настоящая жесть творится, эти сволочи и сами сдаваться не желают, знают, что их ждёт, и товар живым отпускать не хотят. А часто ещё бывает так, что где-нибудь пацан с камерой до последнего ныкается, сливая видео в сеть. Его потом монтируют, как надо, и вуаля, – очередное зверское нападение русских на мирную деревушку «пионеров Зоны». Вот так вот!

Парень замолчал, видимо предоставляя мне право самому додумывать то, что он хотел бы ещё сказать, и вновь взялся за работу. Я же в задумчивости подхватил повседневную кадетскую форму и направился в ванную комнату. Не то чтобы я на самом деле считал себя кем-то подобным, просто... последнее время мне очень не нравилось то, с какой лёгкостью умирали от моих рук те, кому не посчастливилось стать моими врагами. И разговор тут вовсе не о том, что происходило это быстро и зачастую излишне кроваво, а о том, что я при этом ровным счётом ничего не чувствовал. Наверное, мне было бы легче, если бы я, как то часто описывается в фэнтези, получал наслаждение от убийств, ну или наоборот, рыдал бы ночами в подушку, вспоминая лица своих жертв и пытаясь найти в них хоть что-то хорошее, дабы ещё сильнее почувствовать свою вину. Тогда бы я точно знал, что вот оно. Пора собираться с духом и стучаться в приветливые двери Кащенко. Но ведь нет... не было ничего подобного.

Я словно БелАЗ, наехавший колесом на мышонка, не воспринимал его смерть как нечто существенное и вообще заслуживающее моего внимания. И это было неприятно, как-то неправильно, для современного семнадцатилетнего парня. Иногда мне казалось, что недалёк тот час, когда в нужный момент я просто не смогу остановиться, и что тогда произойдёт... об этом не хотелось даже думать.

Раздевшись и включив горячую воду на полную мощность, я подставил спину обжигающим струям и закрыл глаза. А ещё были эти проклятые сны, в которых Наставник каждую ночь терзал меня, то требуя вернуть ему какой-то долг, то желая забрать моё тело, а то и вовсе обвиняя в собственной смерти. Пик этих кошмаров пришёлся на момент, когда после спасения Андрианы я на какое-то время остался один, и сейчас они уже пошли на спад, особенно когда Егор сделал для меня «Ловца снов». Нет, образ «Варяга» всё так же являлся ко мне, но то более был не гниющий труп и не жуткий призрак, а безмолвная тень, которая с явным неодобрением, наблюдала за мной, никак не вмешиваясь в сновидение.

Во входную дверь громко и настойчиво постучали. В комнате что-то грохнуло, и мой сосед прокричал:

– Да, да! Мы уже не спим. Сейчас открою!

Сквозь шум воды я услышал, как пискнул электронный замок, а затем удивлённый голос Егора спросил:

– Э-э... девочка, тебе чего? Ты что, погоди... эй!

Я мысленно закатил глаза. Ну да, это могло быть только одно «неземное создание», потому как других девиц, способных завалиться ко мне с утра пораньше – мой сосед уже видел. Да и не стал бы он называть «девочкой» своих одноклассников. Вот только осталось понять: «Что здесь делает эта пигалица, в такой час, да ещё и в одиночестве?»

– Где он? – требовательно спросил тоненький, но донельзя надменный и звучный голос. – Где Кузьма?

– В ванной... – пробормотал парень.

– Это у вас где? – всё так же задала новый вопрос гостья.

– Да вот, перед тобой... – Егор хотел было ещё что-то сказать, но дверная ручка уже задргалась, а затем в полотно заколотили маленькие кулаки.

– Папа, открой! Это я пришла! – закричала мелкая вредина, перебивая шум льющейся воды. – Папа, открывай по-хорошему!

– Уйди, старуха, я в печали! – промямлил я, отплёвываясь от воды. – Дай хотя бы душ принять по-человечески!

– Ах так! – воскликнула она. – Ну, держись!

Из лейки, только что шпарившей паром, мигом брызнула почти ледяная вода. В общем-то, мне на это было наплевать, контрастный душ ещё никому не вредил, однако за стеной, в соседней пятьсот тридцать восьмой комнате кто-то заорал благим матом и что-то с шумом упало.

– Прекрати баловаться, – строго сказал я, – а то ремня всыплю.

– Бить детей непедагогично. В этом мире... – немного неуверенно ответила девочка, но вода вновь потихоньку стала вначале тёплой, а затем и вовсе горячей.

– Зато действительно, надёжно и практично, – убеждённо произнёс я и обратился к соседу: – Егор, угости её чаем, и там печенье в тумбочке лежит. И поставь ей что-нибудь посмотреть, на моём компе... А я сейчас вылезу.

– Окей... – неуверенно произнёс тот, и шум воды перекрыл их дальнейший разговор.

Мне оставалось только хмыкнуть и продолжить гигиенические процедуры, рассчитывая на то, что детские мозги этой попавшей по моей вине в наш мир «Снежной девы» окажутся перегруженными, и она будет вести себя хорошо. И дело было, в общем-то, не в том, что она была хулиганкой или склонной к неприятным шуточкам, чем часто грешат дети в её возрасте.

Просто Аська, как с лёгкой руки Ленки начали все называть пигалицу, которая в своём родном мире была грозной, но справедливой «Аст... чего то там совсем уж не произносимое», Владычицей Белых Кряжей, возрастом этак тысяч под десять лет и почиталась местными аборигенами не иначе как Великая Богиня, хотя таковой на самом деле не являлась и никогда не давала людям повода для подобных инсинуаций. Так вот, после перерождения в маленькой головке Аски Ефимовой словно бы жили два разных человека. Мудрая и властная женщина, привычная повелевать и вершить судьбы, что немного неловко чувствовала себя в новой роли, а также улыбчивая и добрая девочка, которую очень легко было удивить или увлечь чем-нибудь интересным.

Ленка с мелкой вернулись в кампус в тот же день, что и Нина, однако, по понятным причинам, в отличие от Зайки, я встретился с ними только на следующий день. И именно тогда меня ждала куча сюрпризов, начиная с того, что «без меня меня женили», точнее – наше государство в приказном порядке записало меня в отцы девочки, а вот Касимова избежала подобной участи. А всё потому, что как оказалось после анализов, моё ДНК совпадает с таковым у Аски, а вот Мальвина – как бы и ни при чём. Впрочем, это не отменяло того, что заботу о ребёнке взяла на себя именно она, а также весь остальной дружный женский коллектив.

Ну и второй новостью, повергшей меня в шок, стала именно двойственность новообретённой «дочурки». Странно это, знаете ли, когда восхищённый детёныш круглыми глазами смотрит какой-нибудь мультик, а затем поворачивается к тебе и на полном серьёзе начинает рассуждать об увиденном. Да, немного со своей – очень далёкой колокольни, однако вполне по-взрослому. А порой ещё к тому же приходит к выводам, от которых хочется то ли плакать, то ли смеяться.

«Я обижена! Меня серьёзно оскорбили, и я требую, чтобы ты что-нибудь сделал! – заявила она мне с серьёзным видом где-то на прошлой неделе, после просмотра американского кинофильма «Хроники Нарнии». – Эта женщина, Белая Колдунья, показана в высшей степени недопустимо! У неё совершенно плоская и беззубая мотивация, а методы ужасно непрофессиональны! Возмутительная, гнусная пропаганда! Если бы мне по какой-либо причине захотелось бы завоевать эту страну, то я бы, уж поверь мне, сделала так, чтобы эти зверушки сами преподнесли мне её на блюдечке с голубой каёмочкой, а тот толстый мужик в красном стал бы моей правой рукой. Я обернула бы всё так, чтобы именно он следил за тем, чтобы все радо-

вались тому, какая у них Королева. И... вообще... Как ей только могло прийти в голову, что вечная зима – это хорошо! Нет, ну, Кузьма! Бред же!»

Она тогда даже топнула ножкой от возмущения, развернулась и убежала жаловаться на несправедливость Нинке. Я же потом узнал, что эта «Властительница» ревела захлёб, когда убивали льва Аслана, и порывалась прямо сейчас сама пойти туда и навалить своей соплеменнице, угрожая ей на экране армией големов из какого-то там особого льда, которых она приведёт столько, что они будут стоять от горизонта до горизонта, только бы не умирали милые зверушки! Еле успокоили.

Я тогда сдуру предложил показать ей нашу отечественную «Снегурочку» или «Двенадцать месяцев», а на следующий день сам же и поплатился. От меня потребовали немедленно, сейчас же устроить Её Владычеству Белых Кряжей официальную аудиенцию с Дедом Морозом. Признаться честно, я даже растерялся, так как в этого товарища перестал верить ещё в далёком детстве. Выручила меня случайно услышавшая разговор Юлька, которая собственно и рассказала серьёзно настроенной пигалице, что герцог Рукавишников, Аватар аспекта «Холода», которого и называли «Дед Мороз», живёт в Великом Устюге и принимает у себя маленьких девочек только под Новый год и только если они хорошо себя вели. Опять же сработало, Аська задумалась, а затем заявила, что принимает его условия. Ну а мы пока что можем отправить ему письмо с почтовым голубем, чтобы «почтенный» готовился к встрече. Когда она убежала к себе, мы просто сползли по стенке.

Вытерев голову и одевшись, я вернулся в комнату, где меня ждала идиллическая картина, под названием «Дети смотрят мультфильмы и никого вокруг не замечают!» Егор с Аськой сидели рядышком на моей кровати, хрустя печеньями и потягивая чай, а на противоположной стене во всю возможную ширину был развёрнут экран его монитора, на котором прыгали какие-то анимешные персонажи. Я такого сериала не знал, а потому сам бы, наверное, с удовольствием глянул, чему такому плохому решил научить Егор мою «дочку», но стоило взглянуть на часы, выведенные в левом нижнем углу экрана, и стало понятно, что семейный просмотр откладывается.

С горестным вздохом я вскрыл притулившийся в прихожей металлический кофр и принялся извлекать из него броню, доставшуюся мне от осназовцев во время операции по освобождению Андрианы. Они так и оставили её в пользование, посоветовав привыкать... когда же я попытался уклониться от сомнительного удовольствия таскать на себе всё это барахло, то совершенно неожиданно получил сильнейшую взбучку от Фишшина и Инги Ивановны, а потому был вынужден покориться двойному напору. Тем более что восстанавливать старые, колледжные доспехи мне никто не собирался.

На звук отщёлкивающихся запоров обернулась Аська и, соскочив с кровати, шурша своими кружевными юбками, наверняка купленными Ниной под свой вкус, бросилась мне на шею. Девчонка явно находилась в «детском режиме», а потому такая импульсивность вовсе меня не удивила. Почти одновременно с этим зазвонил мой телефон. Мелодия подсказала мне, что вспомнила обо мне Ленка Касимова, а вот зачем я ей понадобился с утра пораньше, было понятно и так.

Наблюдавший за «семейной сценой» Егор поднёс мне трубку, и я, приняв вызов, сказал «Аллё», свободной рукой поглаживая девочку по волосам.

– Аська у тебя? – без каких бы то ни было предисловий спросила меня Мальвина.

– Да, пришла с утра, а...

– Фух, а я-то испугалась, – выдохнула Ленка и повесила трубку.

– Так! – отстранив девочку от себя, я заглянул ей в блестящие глазёнки. – Ты зачем из дома сбежала?

– Я соскучилась, – призналась она и густо покраснела, явно возвращаясь во «взрослый режим», вздёрнула носик и как можно более независимым тоном произнесла: – Ну а что тут такого? Должна же я посмотреть, как живёт мой непутёвый родитель?

– Она что? Реально твоя дочь? – удивлённо произнёс Егор. – А я думал... ну там сестра.

– Ага, – хмыкнул я и ехидно добавил: – Между семью и восьмью годами заделал.

– Блин, – облегчённо выдохнул сосед. – А я то уж было поверил.

– Знакомься, – я повернул слегка сопротивляющуюся девчонку за плечи лицом к парню. – Ася Кузьминична Ефимова. И да, официально этот монстрик моя дочь. Можно сказать, что у нас сродство крови.

– Ты кого чудовищем назвал! – возмутилась девчонка, крутя головой, чтобы посмотреть в мои наглые глаза. – Тебе достался самый потрясающий ребёнок на всём Древе Миров, а ты... ты...

– Да, да, – улыбнулся я, – прости. Ты у нас самая-самая!

– Вот так бы сразу! – удовлетворённо кивнула она. – А теперь – хвали меня, раб, ибо...

Ой! За что?

Она отпрыгнула от меня, потирая наказанную пятую точку.

– Ох, Аська. Было бы за что... – и я мечтательно закатил глаза, а затем, взглянув на вытянувшуюся мордашку, рассмеялся. – Чудо-юдо, ты завтракала или голодная?

– Угу, голодная, – кивнула девочка, понявшая, что я шучу, а затем покосилась на печеньки.

– Ну уж нет! – возмутился я. – Это не завтрак. Как отец, я не позволю тебе портить желудок сладостями натошак. Мы будем травить его какими-нибудь другими вкусняшками!

– Так, я не понял... – подал голос Егор. – Вы меня что, разыгрываете, что ль?

– Нет, – вздохнул я. – Я тебе потом всё расскажу.

– Забились...

– А ты, беглянка, давай.

– Чего?

– Колись. Как нашла-то... – посмотрев поверх её головы в окно, за которым шёл снег, я только тихонько крикнул. – Да, глупый вопрос. Скажи, как хоть добралась?

– Через «Белый проход»! – ответила мне Аська, снова садясь на кровать и, взяв двумя руками чашку с чаем, аккуратно подула на неё.

М-да... когда я первый раз увидел её пьющей парящее какао, подумал, что всё, пациент для нас потерян. Растает, как Снегурка над костром, и поминай, как звали, но ничего. Ей даже понравилось. Правда, по её словам, в родном мире подобное удовольствие не осталось бы для неё без неприятных последствий, но здесь она стала фактически человеком, а потому могла позволить себе всё то, чего была лишена всю предыдущую жизнь.

– А что это? – заинтересовался Егор.

– Ну... – девочка покосилась на поставленный на паузу мультик и, вздохнув, честно ответила: – Не знаю. Никогда не задумывалась. Просто встаёшь на снег и хоп – уже в любом другом месте, где он есть. И всё.

– О-па. Телепортация! – вновь удивился Егор. – А ты можешь других так...

– Нет, – помотала головой Аська, не дав ему договорить. – Люди там умирают, на кристаллики льда разваливаются. Вот. А можно мне, ну... мультфильм про эту... Юки-Ону дальше запустить. Очень интересно.

– Да. Конечно... – сосед нервно хихикнул, бросил на меня быстрый взгляд, хотел было что-то спросить, но не стал, сказав вместо этого: – У твоей «дочки» очень богатая фантазия.

Я только кивнул. Посмотришь на эту пигалицу, не зная, кто она на самом деле – вроде бы милый ребёнок. Почти ангел! А затем она как задвинет вдруг что-нибудь про массовые казни горцев равнинниками, про детей, которых аборигены не могли прокормить, а потому

приносили к ней в горы, где они и замерзали, или ещё про какую-нибудь адскую дичь, да с таким невинным видом. Аж жуть берёт.

Быстро облачившись, я достал из сейфа свой отремонтированный «Абакан», подвесив тот на трёхточечный ремень. Сегодня по графику у нас были стрельбы, так что пришлось тащиться на занятия при полном вооружении. Пистолеты в кобуры, магазины в подсумки, любимые балисонги – в новенькие, дополнительные чехлы, расположенные привычно под подмышками, а штатный штык-нож – в нагрудные ножны, рукоятью вниз. Наконец, за спину, туда, где обычно осназовцы таскали меч – я запихнул шестиугольную металлическую призму неразложенного шеста. Немного попрыгал и, признав себя готовым, вложил ученический планшет в специальную сумку, закреплённую на поясе, а затем нацепил шлем, сняв, однако, жуткую маску «технодемона», которую Аська боялась до колик.

– Стенд ап, майн либен дотер! – воззвал я к залипшему на аниме ребёнку и, поняв, что это бесполезно, подошёл к ней и аккуратно потряс за плечо. – Ась! Ау, я ухожу!

– А? – она похлопала на меня глазками, а затем с сожалением посмотрела на экран и, вздохнув, поднялась, не отрывая взгляда от монитора. – Жаль, так интересно...

– Пойдём, пойдём, – я поднял со стула её шубку и меховую шапку, которые ей очень шли, делая похожей на маленькую боярыню. – Да не переживай ты, сейчас узнаем у дяди Егора, что это за аниме, и дома посмотришь!

– Правда?!

– Честная-пречестная, – помогая мелкой одеться, я вопросительно посмотрел на соседа.

– «Внук Тэнгу», – ответил тот.

– Окей, всё, мы пошли, – сказал я и, пожав руку Дубного, вышел из комнаты, подталкивая Аську в спину.

* * *

С Аської мы расстались у «Костромских Жареных Курочек», после того, как счастливый ребёнок слопал целый детский завтрак «Золотой цыплёнок», а я обогатился кучей сплетен о жизни моих красавиц, когда меня нет рядом. Девчужка оказалась тем ещё шпионом и готова была рассказать мне всё, что знала, даже несмотря на то что я её об этом не просил.

Затем, довольная и сытая, она порывисто чмокнула меня на прощание, заставив в очередной раз задуматься, действительно ли воплощённая «Снежная дева» испытывает ко мне родственные чувства или тут что-то другое, после чего перелезла через оградку и встала на газон, припорошенный лёгким снежком. Миг! И Аски уже не было рядом, лишь там, где она только что находилась, кружился, быстро распадаясь, небольшой снежный буранчик.

Я, конечно же, поверил, что она отправилась домой, а не пустилась путешествовать по городу, однако всё же проконтролировать было не лишним. Реши она погулять, это было в общем-то не страшно, потому как ещё в том НИИ, где они с Ленкой какое-то время наблюдались, ей тоже сделали чиповку, как для Большой игры. Правда, не стандартную, а особую, похожую на те, что имелись у всех преподавателей, так что никто в кампусе не смог бы навредить девочке, но и она по дурости теперь не могла насмерть кого-нибудь заморозить, как проделала это с гомункулами на турецком полигоне.

Андриана, которой сегодня было ко второй паре, подтвердила, что груз доставлен по назначению и в целом виде, а теперь требует немедля подать ему какого-то «Тэнгу». Объяснив девушке, чего собственно желает от неё наш общественный спиногрыз, я сел на трамвайчик и отправился к себе на кафедру.

Занятия начались, как обычно это бывало по четвергам, с общей физической подготовки с полной выкладкой. Пробежав положенное количество кругов вокруг тренировочного лагеря и пройдя по пять раз среднюю полосу препятствий, группа отправилась в наш спорткомплекс,

где нас в течение трёх часов гоняли по рукопашке, а затем заставили отстрелять по триста выстрелов в подземном тире. Да не в простом, а имитационном, оформленном под пустынную полуразрушенную улицу.

Причём, выполняя стрелковые упражнения, почти все одnogруппники, владеющие магией, также использовали и её, поражая кто чем особым образом помеченные мишени, а вот меня – дискриминировали по полной, отправив к воинам, которые по тем же самым целям либо стреляли из пистолетов, либо метали в них ножи или сюрикены. Естественно, что в таких условиях я показал себя сереньким середнячком, потому как и в той и в другой дисциплине до сих пор особо не преуспел.

Впрочем, я мог понять мастера-распорядителя тира, ибо когда открыл всем, что колдун на первом же занятии простой магической пулей напрочь снёс стену одного из домов, который после такого удара – чудом не рухнул. Так что не стоило удивляться тому, что мне запретили использовать магию на объекте.

После большой перемены, за время которой мы шумной толпой успели съесть комплексный обед, почему-то тут носящий пиндосское название – «Бизнес-ланч», в неплохом, давно примеченном нами ресторанчике вне территории кафедры, группа вернулась в свою классную комнату. На очереди были алгебра, геометрия и почему-то поставленная нам на этот день тактика, на которой больше половины народу, измотанные суровыми, я бы даже сказал – свирепыми учителями точных наук, откровенно фланировали, заставляя ведущего её Илью Максимовича горестно вздыхать и сетовать на неудачное расписание.

Вообще, это был мировой дед, обижать которого невниманием к его предмету было откровенно неудобно, однако я давно уже заметил, что приходящие преподаватели с гражданской кафедры гоняют курсантов, не зная жалости. Так что, чтобы выполнить поставленную Гремом задачу хорошо сдать общеобразовательный курс, приходилось стараться изо всех сил, тем более что нагрузка на мозги у нас всегда шла после физподготовки, что только усложняло обучение.

Мне в этом смысле, наверное, было легче, чем всем остальным, всё-таки сказывалось перенасыщение организма энергией, хлещущей из шести чакр. Даже Касимова сегодня выглядела взмыленной, хотя женские нормативы и были немного меньше, нежели у парней, но ведь она всегда выкладывалась на полную, так что, когда преподающий алгебру очкарик объявил контрольную – сидевшая рядом со мной Ленка, тихо зарывав, схватилась за рукоять пистолета. И непонятно было, чего она собственно хочет, то ли застрелиться, то ли грохнуть этого улыбающегося садиста.

Когда же объявили конец занятий, и мы, собравшись, медленно потянулись к доске с «гражданскими заказами», мой планшет тренькнул, сообщив мне о поступлении личного запроса на моё имя. Проводив спину Мальвины долгим взглядом, я со вздохом достал девайс и почему-то совсем не удивился, когда прочитал, кто собственно решил заплатить деньги, дабы увидеть при себе мою скромную персону.

– Что там у тебя? – ловкие руки обхватили меня за талию, и я почувствовал, как сзади ко мне прижалось упругое девичье тело, а на наплечник опустился остренький подбородочек Сашеньки Бельской.

– О-о-о-о! – протянула девушка, когда я повернул к ней экранчик так, чтобы она могла прочитать имя нанимателя. С этой одnogруппницей, которую во время игр в Турции я вроде как спас от группового изнасилования вконец охреневшими от вседозволенности османскими студентами, мы стали очень неплохими друзьями. Правда, девушка не упускала случая пофлиртовать, а порой то ли в шутку, а то и на полном серьёзе намекнуть мне на то, что она вовсе не против отблагодарить меня так, как это может сделать исключительно женщина, но далее слов дело не заходило.

– Угу, – я вздохнул.

– А как она тебе? Вроде ведь постоянный клиент?

– Инна-то? – я задумался на секунду, а затем ответил: – Да хорошая, в общем-то, девушка, а что?

– Да так, – Сашка потёрлась носом о мой наплечник. – Интересно просто. Всё-таки ты у нас один с настоящей цесаревной общаешься. Ладно, я побежала, а то опять придётся какие-нибудь ящики таскать.

– Беги, – ухмыльнулся я, глядя, как она проталкивается к доске, а затем полез в подсумок за телефоном.

Всё-таки взаимоотношения моих знакомых цесаревен были, как я уже знал, далеко не безоблачными. Младшие дочери Его Величества, обладая сложным характером, цапались друг с другом с самого детства, подзуживаемые в первую очередь родственниками по материнской линии, вот Нинка, после того как у нас с ней всё срослось, и просила меня на всякий случай отзваниваться ей, если Инне вдруг приспичит видеть мою особу.

К посольству Первого Императорского магического колледжа я прибыл ровно к назначенному сроку. Как раз успел заскочить домой, переодеться в обычную школьную форму. С одной стороны, требование заказчика явиться в гражданской одежде было немного странным, с другой – привлекали меня явно не как охранника внешнего периметра, а скорее как сопровождающего. И делать это в полной броне будет совершенно нелепо.

Охрана пропустила без вопросов. Естественно, забирать у меня оружие никто даже не подумал, потому как я и так голыми руками мог положить всех этих вояк. Был уже прецедент. Вышколенный швейцар с серебряным галстуком четверокурсника попросил подождать некоторое время в приёмной, а затем, спустя почти сорок минут, провёл меня в малую кремовую чайную залу. Здесь я уже бывал, правда, не в качестве наёмного лица, а как гость, в одну из тех бесполезных, но довольно приятных встреч с Нинкиной старшей сестрой. Сегодня цесаревна приняла меня сидя за небольшим столиком, с вазочкой, наполненной шоколадными конфетами, над которой парил магический огонёк.

У дальних дверей, ведущих во внутренние помещения её резиденции, стояла ещё одна знакомая мне особа, так же являющаяся старшей сестрой, но на этот раз Ленки Касимовой. Кажется, её звали Женя, и выглядела она чуть подросшей и более серьёзной копией Мальвины. Короткая стрижка была ей к лицу, как и аккуратные серёжки, причём, как и младшая сестра, она носила не форму своего колледжа, а наряд горничной, правда других цветов и фасона, и собственно выполняла при Инне те же функции личного телохранителя, как и Ленка при Нинке. Я так понял, у них вся семья была тесно связана с императорской.

– Кузьма, – увидев меня, Инна отложила бумаги и приветливо улыбнулась. – Как я рада, что вы так быстро пришли.

– Я тоже рад встрече, ваше высочество, – улыбнулся я, не шибко покривив душой.

Во взаимоотношения сестёр я вмешиваться не собирался. Лезть в их соперничество и взаимные обиды для мужика – последнее дело. И уж тем более что меня никто и не просил принимать чью-либо сторону. Мне было достаточно, что передо мной сидела красивая, умная девушка, которой по какой-то причине опять потребовалась моя помощь.

– Присаживайтесь, – предложила цесаревна, указывая на противоположное кресло. – Может быть, чаю?

– Не откажусь, – ответил я, устроившись поудобнее.

Свой автомат я собственноручно отдал на хранение дежурному офицеру. Всё же явиться совсем без оружия мне совесть не позволила. Тот, по-моему, даже удивился, потому как в прошлый раз именно он был среди тех, кто попытался разоружить меня. Во всяком случае – его морда была мне знакома.

Пока Женя готовила чай, мы на некоторое время остались в одиночестве. Следуя правилам хорошего тона, я не спешил, да и девушка, видимо, тоже не особо торопилась, а потому

немного поговорили о текущей войне с Осmano-турецким университетом и о делах на фронтах и о дальнейших перспективах. Когда же передо мной появилась чашка с горячим ароматным напитком и эти непринуждённые беседы на время смолкли, я отхлебнул глоток, а затем...

У меня закружилась голова, а по телу прошла настоящая волна жара. В ушах зазвенело и зрение как-то резко сузилось, словно бы я смотрел через перевёрнутый бинокль. Отбросив в сторону чашку, я вскочил на ноги, не понимая, что и зачем собственно делаю, отшвырнул с дороги стол, лишь краем сознания уловив грохот, с которым он разлетелся о стену и сделал шаг навстречу к Инне.

При этом я смотрел только на неё и словно бы не мог отвести взгляд. Заметил, как она отшатнулась от меня, а затем ноги подкосились, и я упал на спину.

– Женя, что с ним? – словно сквозь вату услышал я взволнованный голос цесаревны. – Зелье же не так должно работать!

Кто-то, лицо я не узнал, склонился надо мной и оттянул веко.

– Упс... – произнёс совсем далёкий голос. – Передоз. Кажется, я немного переборщила с дозой. Не ожидала, что подействует на такого, как он.

– Он... он же не умрёт? – всхлипнул кто-то. – Если он умрёт, я прикажу тебя казнить!

– Не истери! – Я уже не слышал голоса, просто воспринимал наборы слов, которые значили всё меньше и меньше. – Всё будет... в порядке! Да и тебе... его... это не по...

Моё сознание уплыло куда-то в рокошущую колоколами даль, и я отключился.

Глава 2

Взвизгнув тормозами, разогнавшаяся машина едва успела остановиться прямо перед въездом на территорию больницы при факультете магических и нуль-заболеваний. Водитель, видимо, хотел подать назад, чтобы завести электромобиль в медленно открывающиеся ворота и высадить пассажиров прямо перед центральным входом, но Нина уже не могла ждать.

Открыв дверь, девушка выпрыгнула на мостовую, едва не упав, но всё-таки удержалась на ногах и, как была, в распахнутом пальто, вбежала на территорию учреждения, не обращая внимания на возмущённый крик выскочившего из будки охранника. Сейчас она видела только медленно приближающееся ярко освещённое крыльцо с портиком, поддерживаемым четырьмя колоннами в неоимперском стиле, рядом с которым стояло несколько машин «скорой помощи», и ничего более в этом мире для младшей дочери императора просто не существовало.

Не было ни пронизывающего холодного ветра, ни сбросивших листву деревьев, чьи ветви покрывал первый пушистый снег, ни стука её собственных каблучков по плитке, которой была выложена парковая дорожка. Тонкий лёд хрустел и разлетался под ногами, а скрывающиеся под ним лужи грязными каплями оседали на дорогие белые чулочки, но девушке было всё равно, потому как там, в этом страшном, тёмном и неприветливым в сумерках здании был «Он», и сейчас ему было очень и очень плохо.

Лена догнала её спустя десяток секунд и побежала рядом. Они вместе вынырнули из тенистой аллеи и почти сразу увидели Юлю. Девушка стояла возле одной из машин, кутаясь в не по погоде лёгкую курточку – видимо, это было первое, что она схватила, узнав страшную новость, перед тем как выбежать из дома. Заметив подруг, она замахала руками, и когда Нина, уже тяжело дыша, остановилась рядом с ней, сразу же схватила её за руку.

– Как он? – выдохнула Весомова, в то время как девушка уже тянула её вверх по лестнице.

– Плохо! Очень... – всхлипнула златовласка, быстро обернув к Нине заплаканное лицо. – Нуль-аллергический шок, осложнённый успешным интегрироваться духовным паразитом.

– Инте... грированным паразитом? – удивлённо переспросила Касимова. – Это как?

– Не знаю! Я не знаю! – почти прокричала Юля. – Я этим никогда не интересовалась! Я...

В этот момент подруги вошли в холл больницы, и она, замолчав, отпустила руку цесаревны, быстрыми движениями вытерев влажные глаза, уверенным шагом направилась к гардеробу. Сдав верхнюю одежду и с помощью автомата натянув бахилы, подруги одели одноразовые халаты, и Юля повела их запутанными коридорами в блок, в котором сейчас содержался Кузьма.

По дороге сюда Нина тысячи, а может быть, и миллионы раз думала о том, что скажет своей ненавистной сестре, когда её увидит. В том числе и подумывала вызвать её на дуэль по крайним правилам, пусть даже став сестроубийцей, но оплатив за то, что она сделала с её любимым человеком.

Однако сейчас все эти построения и измышления, а также заготовленные слова вдруг испарились, когда она увидела осунувшуюся и зарёванную Инну, которая тенью сидела в тёмном углу, уткнув лицо в ладони, и содрогалась от беззвучных рыданий. Сейчас она не выглядела той чопорной, наглой и надменной девицей, которой привыкла видеть её младшая сестра. Явно искреннее глубокое горе, что просто невозможно было сыграть, Нина, будучи эмпатом, хоть и очень слабым, почувствовала издалека, а потому, жестом остановив направившихся к ней Андриану и Асю, медленно подошла к сестре и села рядом. При этом она даже не заметила, как выронила свой неизменный зонтик.

Впрочем, Лена не страдала подобными сантиментами. Шаг в шаг следуя за своей госпожой, когда та присела на кушетку, она прошла чуть дальше и с ходу врезала кулаком по лицу собственной старшей сестре, тенью стоявшей у противоположной стены, которую обычно боялась до дрожи в коленях. Евгения даже не подумала защищаться, а потому упала на пол, гулко стукнувшись затылком о паркет, и осталась лежать, не делая попыток подняться, не произнеся ни звука и пустым взглядом глядя сквозь девушку.

Утробно зарывав, Касимова-младшая набросилась на неё, оседлав и занеся кулак для нового удара, однако позволить продолжаться подобному Нина не могла.

– Лена, не смей! – тихо произнесла цесаревна, и её компаньонка-охранница, едва сдерживая себя, опустила руку. – Хватит. Перестань!

Та не ответила, но с заметным усилием взяла себя в руки, чтобы ещё раз не ударить Евгению, слезла с неё и отвернулась. Помощница Инны медленно поднялась с пола и так и осталась стоять на месте, повесив голову. Словно тень самой себя, обычно весёлой и жизнерадостной.

Нина тем временем как можно мягче обняла беззвучно рыдающую сестру и, поборов лёгкое сопротивление, притянула её к себе. Всклипнув, Инна вдруг разрыдалась в полный голос, обхватив свою главную соперницу руками и уткнувшись лицом в её грудь, запричитала:

– Я же его люблю... Люблю, понимаешь! Если бы я знала, я бы никогда... Так ведь было не честно, я хотела...

– Тише, тише... – погладила старшую сестру по голове девушка, тяжело вздохнув, досчитала до десяти, чтобы унять бурю эмоций, родившуюся у неё в душе, и оставаться разумной. – Всё будет хорошо.

– Не будет! Не будет!!! – новый взрыв рыданий заглушил слова Инны. – ...возненавидит меня. А я... а я... я хотела лишь получить небольшой шанс! Что бы он не смотрел на меня как на высокородную куклу. Я хотела...

– И давно это ты влюбилась? – с лёгкой долей ревности спросила Нина.

– Когда он меня спас... – выдохнула сестра, а затем, подняв заплаканное лицо с потёкшей тушью у глаз, с болью проговорила: – А ты! Ты! Чем ты лучше меня? Почему тебе всегда достаётся всё, а мне...

– Да ничем не лучше, – тяжело вздохнув, ответила Нина, вновь притягивая к себе сестру, и посмотрела на хмурую Андриану.

– Ждём. Сейчас всё решается, – та кивнула на двери в конце коридора, над которым красным горел запрещающий индикатор, и отвернулась, после чего взгляд цесаревны остановился на странной магической девочке Асе.

Малышка стояла рядом с фрейлиной, прижимая к себе поднятый зонтик, и смотрела на неё не по-детски мудрыми глазами. Нина внутренне поёжилась. Эта девочка хоть и нравилась ей, однако порой, в такие вот моменты, было совершенно непонятно, о чём собственно думает ребёнок, а от этого становилось не по себе. Тем более что, по словам Андрианы, именно она первая каким-то образом узнала, что с Кузьмой случилась беда.

Самой же девушке о произошедшем сообщил герцог Сафронов. Своим звонком он сорвал её с прелиминарии, который проводило их ведомство с испанской делегацией. Конечно, Нина участвовала в переговорах с Каталонским Королевским институтом как один из младших представителей Колледжа, в роли наблюдателя без права голоса. То, что она вынуждена была покинуть встречу, никак не могло отразиться на уже достигнутых договорённостях об открытии в этом испанском учебном заведении пунктов набора добровольцев для участия в войне на стороне Пятого Магического, но всё же.

Ректор, догадываясь, а скорее всего, точно зная об их реальных взаимоотношениях с Кузьмой, не стал ничего скрывать и рассказал о странном телефонном запросе, полученном из представительского отдела посольства Первого Колледжа. Человек, представившийся секретарём, передавал требование к его сиятельству от её императорского высочества цесаревны Инны

срочно прибыть к ней на аудиенцию. Естественно, что подобная официальная и не совсем корректная форма очень удивила ректора.

Фактически ему ничего не оставалось, кроме как бросить все дела и срочно примчаться в посольство, когда экспресс-проверка подтвердила, что вызов поступил именно оттуда. Подумав, что такая разумная и не по годам взрослая девушка не будет отвлекать его от важных дел по пустякам, а та форма, в которую было облечено приглашение, не что иное, как перегиб кого-то из молодых и особо старательных исполнителей, ректор немедленно вызвал машину и уже через пятнадцать минут вошёл в холл первого этажа дипломатической миссии Первого Колледжа.

К удивлению герцога, его появление стало неожиданностью для сотрудников посольства. Вначале дежурный, предложив ему чаю, просил его обождать в комнате отдыха, а сам отправился к своему руководству. А затем и вовсе вниз спустился сам посол и, извинившись, сказал, что всё это какое-то недоразумение и цесаревна Инна не собиралась встречаться с его сиятельством. По крайней мере, официально, задействуя секретариат, иначе хоть кто-то об этом бы да знал. К этому времени герцог уже заметил, что в посольстве творится какое-то нездоровое оживление, причём не связанное с его появлением, а потому, на правах преподавателя, решил выяснить, что собственно происходит.

Когда же на прямой вопрос ему ответили нечто невнятное про внутренние дела Колледжа, то он, отстранив посла и несмотря на его вялые возражения, направился вглубь здания напрямик к лестнице, ведущей в жилой сектор. Поднявшись по ней на третий этаж, он почти сразу же наткнулся на шумящую толпу молодых людей, столпившихся перед дверями в личные покои цесаревны, и это заставило его напрячься.

При его приближении ребята расступились, пропуская грозного ректора в комнату, и Андрей Иванович увидел сидевшую на полу, обхватив голову руками, одну из младших дочерей Жоры Касимова. В глубине же спальни, сидя на полу рядом с кроватью, рыдала сама цесаревна Инна, сжимая руку лежавшего поверх одеяла весьма знакомого ему молодого человека, вот уже пару месяцев являющегося источником непрекращающихся головных болей ректора. У изголовья переминались с ноги на ногу трое третьекурсников с нашивками медиков на нарукавных повязках. Словно бы почувствовав его взгляд, они обернулись и поспешно отошли в сторону. Только тогда герцог Сафронов наконец-то увидел бледное лицо того, кто лежал на кровати.

«Мы сделали всё, что могли! – словно бы оправдываясь и едва не срываясь на крик, затараторил ему тогда старший из медицинской бригады. – Но... ничего не помогает. Парень умирает! Понимаете? По-настоящему! Это не игровой случай!»

Срочно вызванная «скорая» отвезла Кузьму в эту больницу. Уже там, когда пациентом занялись профессионалы, Инна сбивчиво, в общем, как могла в её состоянии, поведала ректору о случившемся. Всё сводилось к попытке отбить парня у младшей сестры и ничего более. Не имея возможности общаться с ним так же свободно, как и Нина, Инна решила воспользоваться некоторыми ухищрениями, тем более что из дома ей прислали некое зелье, позволяющее стать немного привлекательней в глазах кавалера, эдакий лёгкий афродизиак на магической основе. Опоив им Кузьму, девушка рассчитывала исключительно заинтересовать его, чтобы он сам захотел почаще видеться с ней. Но так как на высокоуровневого одарённого стандартная доза, растворённая в чашке чая, могла бы не подействовать вовсе, они вместе с компаньонкой решили увеличить её, потому как производитель утверждал, что продукт абсолютно безопасен и сертифицирован как пищевая добавка.

Однако милой беседы не получилось. Едва только сделав несколько глотков, молодой человек застыл на секунду, выронил чашку, вскочил, опрокинув столик, и, как подумала цесаревна, собрался было наброситься на неё, такой был у Кузьмы жуткий взгляд. Но не сделав и пары шагов, парень рухнул на пол словно подкошенный и, побледнев, весь как-то затрясся.

Вместе с дочерью Касимова и прислугой его быстро перетащили на кровать цесаревны. Когда прибежали вызванные медики, судороги уже прекратились, и молодой человек начал задыхаться, а минут через пять, когда в комнату вошёл сам Сафронов – впал в оцепенение, и его аура стала медленно затухать, несмотря на то, что он всё ещё был жив.

Когда же герцог спросил – зачем собственно цесаревна вызвала его на встречу, Инна совсем растерялась. Мало того что она не отдавала такого приказа службе контактов, так ещё и секретаря, который сделал звонок, в штате посольства не числилось.

Девушка говорила правду, во всяком случае, так утверждал сам ректор. По его словам, она, ни секунды не задумываясь, позволила ему использовать на ней полиграфическую магему и повторила всё то, что рассказывала до этого. Тем более что то самое зелье, которым опоили Кузьму, герцог Сафронов видел и по прибытию в больницу – передал специалистам на анализ.

Внешне это действительно было самая обычная «Красавица & Красавица», сверхслабая приворотная сахарная субстанция нежно-розового цвета, которую можно было купить в любой нуль-аптеке элитарного класса. Сам фиал также был заводского изготовления и снабжён всеми положенными знаками качества и размещающимися акцизами. Стойкий запах клубники с ванилью, обязательный для всех зелий этого типа, позволяющий легко отследить его наличие в напитке или блюде, также присутствовал. В общем – ничего криминального, разве что пользовался подобными препаратами в основном контингент дам бальзаковского возраста, не до конца уверенный в своей увядающей красоте.

Но когда ректору принесли распечатку анализа, содержавшегося внутри препарата, Андрей Иванович чуть было не схватился за голову. А Инна, прочитав бумагу, впала в ступор, и медсёстрам пришлось в срочном порядке отпаивать девушку какими-то препаратами.

В фиале содержался ядерный концентрат даже не приворотного зелья, а любовного эликсира, одобренный белёсым красителем, от чего он внешне был похож на безобидное зелье. Средства подобного типа, как и любые другие нуль-психотропные вещества, в Российской Империи находились под строгим контролем у государства и не допускались в свободное распространение. Нужно ли говорить, что мог бы сотворить физически сильный мужчина, даже после «стандартной дозы» подобной бурды.

Нина тяжело вздохнула и посмотрела на Инну, пытаясь сдержать внутри вновь проснувшиеся чувства, для которых сейчас было не место, гадая, прав ли герцог Сафронов, и не смогла ли сестра обмануть его «детектор лжи». Ректор был Аватарой аспекта «Метамагии», а потому сомнительно, что молодой аристократке удалось бы запутать контролирующее заклинание. С другой стороны, всегда есть способы обойти полиграфную магему. Достаточно просто не врать, а говорить «полуправду», что в семьях высшего света Империи учатся делать с самого рождения. Вот только основная сложность состоит в том, чтобы при этом ещё и не думать о том, как бы правильно подобрать нужные слова – а это могут очень и очень немногие. Был и другой вариант, но там нужно было самому свято поверить в то, что ты говоришь, а для этого следовало как минимум владеть самогипнозом.

И всё же. То, что влюблённая женщина способна решиться на многое, она знала по себе. Если даже сестра смогла обмануть Сафронова, то всё равно всё это было не похоже на Инну! Чего она добивалась, опаивая Кузьму концентратом любовного эликсира, да ещё и в таком количестве, а заодно вызывая в то же время на встречу герцога? Хотела, чтобы он застал Ефимова на месте преступления, когда тот насиловал её во все дыры, а заодно и Касимову-старшую? Но зачем?

В порядке бреда можно было бы предположить, что она собиралась вроде как в порыве благородства заступиться за своего обидчика и защитить его честное имя своим матримониальным правом подвергшейся насилию женщины, что и должен был бы засвидетельствовать ректор. Существовала в Империи такая редко применяемая практика для решения особо щепетильных проблем сексуального характера в высшей аристократической среде...

«Да ну! – Нина недоверчиво покачала головой. – Да не может такого быть!»

Родить такой откровенно детский, глупый план, шитый белыми нитками, Инна была просто-напросто не способна, даже с подпития! Да ещё и приплести к нему самого «Серафима», Аватара, особо приближённого, сильно, очень сильно обидев Андрея Ивановича не только своим поступком, но и формой вызова «на ковёр».

«Странно всё это. Если предположить, что план был действительно её, то то ли сестра свихнулась на почве безответных чувств, – подумала девушка, – то ли она вынуждена была действовать не по своей воле. Ведь это даже не её стиль. Да и трудно представить себе, чтобы Инна, которая привыкла всё и всегда решать изящно и со вкусом, а также считающая, что главная её ценность это тело, ум и красота, решила быть жестоко выдранной в чайной комнате опоенным дурмящим зельем парнем! Ведь это всё равно, что признать, будто она не способна на то, что получилось у меня. А на это Инна не пошла бы никогда. Даже будучи без памяти влюблена! Она ведь настоящая ревнительница своей девственности и чистоты, несмотря на порою фривольное поведение в личном общении. Нет! Не верю!»

Ну а если подумать? Нет, если бы сошлись звёзды, планеты выстроились бы в ряд, а свет Венеры отразился бы от далёкого Ориона, а затем, рассеявшись в болотах Украинской Зоны лучами добра, ударил бы герцога кувалдой безумия по голове, то, возможно, что-нибудь бы и выгорело бы. Но... скорее всего, Кузьма просто по-быстрому трахнул бы эту дурёху и Женьку, и на этом бы всё и закончилось.

Любовное зелье, даже концентрат, действует не очень долго, зато выводится из организма в течение почти двух месяцев. Да и насколько она помнила курсы «Личной магической безопасности», следы приворотных средств без проблем выявляются в пробах мужского семени. Так что парень легко доказал бы свою невиновность, а вот Инна в этом случае так просто бы не отделалась, особенно если...

Нина едва удержалась от того, чтобы не ударить кулаком по ладони. Ну, конечно же! Если откинуть предположения о «гениальном плане», внезапно рождённом сестрицей, и принять за истину то, что она действительно была не в курсе происходящего...

«Да! Вот оно что! Ну, Вика Степановна! Ну Герцина! Ну, ты змея подколотная! Вот, значит, как ты задумала прибрать к рукам папин трон! – Нину аж передёрнуло от осенившей её догадки. – Захотела предъявить отцу внука и потребовать сделать его кронпринцем. А для себя, небось, жезл регента уже приготовила. Оттуда и зелье, и такой с виду дурацкий план. Молодой Аватар – точно впадёт в немилость, но если Инна забеременеет, то это почти стопроцентная гарантия, что ребёнок родится сильным одарённым! Прощтрафившаяся дочка – её потом можно куда-нибудь пристроить. Как-никак – императорская кровь, и охочих до такой родни всегда много. А вот от внука – мой отец никогда не откажется, тем более что, кроме меня, конкурентов больше нет – старшие сёстры и их дети лишены права престолонаследия! Вот только для того, чтобы всё сработало, сестра обязательно должна была понести. Более того, родиться должен был только мальчик, и вот здесь либо Герцина положила на массовый авось – во что я не верю. Либо она была твёрдо уверена в результате!»

Девушка мельком бросила взгляд на сумрачное лицо Евгении Касимовой, на скуле которой наливался крупный синяк, и кивнула своим мыслям. Нужно будет задействовать все возможности служб рода Лопатиных, решила для себя Нина, чтобы узнать, права она или нет. Если же всё так, как ей представляется, то очень важно будет выяснить, есть ли у рода Герциных какой-нибудь секрет, благодаря которому они могли бы обмануть природу и Господа Бога...

– Краситель, – вдруг пробормотала она, сощурив глаза, – нужно попросить проверить этот краситель.

Ведь достали же где-то Герцины этот эликсир, который просто так в аптеке не купишь! Скорее всего, сделали на заказ, ведь как гласила древняя римская поговорка, широко используемая в современных дипломатических кругах: «Quod licet Iovi, non licet bovi». То есть: «Что

дозволено Юпитеру, не дозволено быку». А если этот Юпитер из рода, особо приближенного к престолу...

Но всё это были только догадки, а вот кое-что узнать у Инны следовало прямо сейчас. Покуда она всё ещё находится в том состоянии, в котором вряд ли способна послать кого бы то ни было с подобными вопросами в пешее эротическое путешествие.

– Что? – Инна, оторвавшись от её груди, посмотрела на младшую сестру.

– Да ничего, дорогая, – зло бросила девушка и, взглянув ей прямо в глаза, спросила: – Давай-ка отойдём. Я тебе пару вопросов задам, а ты мне честно ответишь.

– Но...

– Я сказала – пойдём, – Нина схватила старшую сестру за руку и с силой потащила в сторону женского туалета.

В этот момент младшая цесаревна была противна сама себе. Мало того что как обычно в таких случаях ей приходилось играть роль очень неприятной ей самой женщины, так ещё и отбрасывать все чувства, и эмоции, которые буквально кипели у неё внутри. Чтобы просто думать о том, что её любимый человек мог заняться сексом с другой, тем более с её старшей сестрой, и что из этого бы получилось, ей приходилось, пропуская мысли сквозь фильтр холодного политического расчёта. Точно так же, как мыслила и мать Инны – Вика Степановна Герцина, для которой даже дочь была всего лишь инструментом на пути к цели. Полезным, важным, но не незаменимым.

Евгения, видя, что её подопечную зачем-то уводят в уборную комнату, дёрнулась было следом, но тут же наткнулась на свою младшую сестру, преградившую ей дорогу. Нина только мысленно грустно хмыкнула такому порыву. Неужели Касимова-старшая реально могла подумать, что она собирается её избить или что-то типа того...

– Что ты от меня хочешь? – затравленно спросила её перепачканная потёкшей с глаз тушью соперница, сестра и единственная подруга детства.

– Умывайся, – Нина указала на ближайшую раковину. – И поговорим.

– О чём? – опять всхлипнула она.

– О женских делах, – рыкнула цесаревна на старшую сестру и подтолкнула её к крану. – Умывайся, говорю! Смотреть на тебя больно! И голову включай уже!

* * *

Вызвав служебную машину, которая должна была развезти девушек по домам, герцог дождался, когда электромобиль остановится перед крыльцом, и вместе со студентками спустился на мостовую. Пока молчаливый водитель из хозслужбы ректората, предупредительно открыв двери, помогал остальным рассестись по местам, Андрей Иванович отозвал в сторону сестер императорской крови и, хмуро осмотрев грустных красавиц, ещё раз напомнил свои слова:

– Значит так, юные леди. На всякий случай повторюсь. Чтобы завтра никого из вашей компании я здесь не видел. Вас всё равно не пустят к Кузьме. Сейчас его на сутки заложили в биоспиритическую камеру, так что он спит. Всё понятно?

– А... С ним действительно всё в порядке? – слегка дрожащим голосом спросила дочка Герциных.

– Да, Инна Святославовна, – строго посмотрев на девушку, ответил Сафронов. – Его жизни ничего не угрожает. Он сильный парень.

– Слава богу, – словно всё ещё не веря в услышанное полчаса назад, выдохнула старшая из сестёр. – Я поняла.

– А вы, Нина Святославовна? – строгий взгляд упёрся в девушку с двумя хвостиками.

– Как скажете, Андрей Иванович, – кивнула младшая. – Значит, послезавтра мы уже можем его забрать?

– Вполне, – ответил ректор, позволив себе лёгкую улыбку, а затем нахмурился. – Та-а-ак. По глазам вижу, что что-то задумали... Что, вечная вражда в сторону – опять подруги не разлей вода?

– Какие наши годы, – притворно вздохнула Нина. – Сегодня дерёмся, завтра обнимаемся.

– Не вздумайте мне баловать! – грозно предупредил их герцог, для верности пригрозив пальцем. – Ваш отец уже в курсе всего произошедшего.

Новость девушкам не особо понравилась, однако то, что ректор сказал дальше, оказалось для них полной неожиданностью.

– Он ждёт вас обеих к себе вместе с Кузьмой через два дня, – у него к вам троим есть очень серьёзный разговор. В частности, касаемый вашего поведения. И сразу предупреждаю – можете ему не названивать – сейчас с вами он общаться не будет. Всё – свободны.

– Спокойной ночи, Андрей Иванович! – хором произнесли девушки и, дождавшись ответа, мышками юркнули в салон.

Проводив взглядом выезжающий из ворот электромобиль, ректор нахмурился и поспешил вернуться в здание больницы. Переобувшись и сбросив подбежавшему гардеробщику своё пальто, он быстрым шагом прошёл по коридорам с притушенным светом и бросил взгляд на часы.

Стрелки отбивали четвёртый час ночи. Покачав головой, его светлость вошёл в дверь с надписью «Только для медперсонала» и, сняв со стоящей рядом вешалки матерчатый белый халат, набросил его себе на плечи. Быстрым шагом он двинулся по погруженному в темноту проходу к одной-единственной двери, за которой в этот час горел свет, и, не стучась, вошёл внутрь.

– Ну, что скажешь, Петрович, – спросил он с ходу, опускаясь на старое продавленное кресло, совершенно не подходившее к ультрасовременной обстановке кабинета.

– Да хреново всё, Андрей, – сразу же ответил ему мужчина в синем халате врача и шапочке, закрывавшей редкие уже седые волосы. – Впрочем, всё как всегда. Так что можно сказать, всё хорошо.

Он замолчал, ещё какое-то время совершая манипуляции над магиографом, периодически посматривая на соседние консоли, многочисленные мониторы которых пестрели графиками и диаграммами. Затем отошёл от прибора и, сняв с носа запотевшие очки, достал из кармана платок и принялся протирать линзы.

– Ну, не томи, – поторопил его ректор. – Это девчонкам ты можешь впарить, что парень абсолютно здоров. Я-то вижу, что это не так.

– Чисто технически – он уже действительно в норме, – покачал головой мужчина. – Впрочем, пусть всё же полежит денёк в капсуле, отдохнёт и восстановится.

– А по факту? Что это был за дух? Где он его подцепил?

– Тут сложнее, – ответил доктор. – Ты шрам у него по позвоночнику видел?

– Ну да – но это от старика...

– Да... Мастер тот ещё коновал, но это я так... просто удивлён, как он вообще оправился. В общем, на его эфирном теле мы обнаружили следы второго обряда, тоже застарелые.

– Что за обряд?

– Точно сказать не могу. Техника мне не известная, но что-то древнее. Центрально-американское. Очень похоже на практики инков или майя.

– И?..

– И ничего. Знания-то утеряны. Могу только сказать, что внутри него живёт не паразитический дух, а нечто более полноценное.

– Демон?

– Нет! Точно нет. Подобную ерунду мы давно уже выявлять научились. Здесь что-то более хитрое, да к тому же напрямую завязанное на его биоритмы и сансарные меридианы.

– Ты хочешь сказать, что это нечто – ему подсадили? При помощи ритуала то ли майя, то ли инков?

– Или ацтеков, – кивнул врач. – В любом случае удалить это нечто я не могу. Да и вряд ли кто-нибудь на нашей планете вообще в состоянии. К тому же оно содержит огромное количество информационных пакетов, уже начавших потихоньку растворяться в нематериальных телах носителя.

– Так что сегодня случилось-то?

– Да это – довольно просто, – мужчина вновь нацепил очки на нос. – Парня траванули той гадостью, которую вы принесли, перенасыщенная энергией аура сразу же начала выжигать ноль-химические изменения. Пошла мощная эктоаллергическая реакция, которая затронула в том числе и подсаженное духовное тело, плотно присосавшееся к его нижним четырём чакрам. Вот оно и взбунтовалось, попытавшись взять контроль над процессами организма. Не будь парень Аватаром – помер бы.

– Ты, кстати, сделал, что я просил? – вдруг вспомнив что-то, прервал его Сафронов.

– Да... – мужчина вновь встал возле магиографа и начал водить руками по сенсорному экрану. – Нет у нас в базах такого аспекта. Что-то новенькое и очень сильное. Поэтому он так быстро и перегорает.

– Понятно... ну и что посоветуешь делать? Сам понимаешь, не хотелось бы, но если...

– Посоветую не торопиться, – отрезал доктор, обернувшись к герцогу Сафронову. – Был бы он чужаком, ответил бы однозначно, а за своих нужно бороться.

– Я тоже так думаю, Петрович, – улыбнулся ректор, вставая и направляясь к двери, но у самого порога обернулся и спросил: – Слушай, а почему мы этого «приживалу» раньше-то не обнаружили? Ведь для чиповки полную проверку делали. Неужели ему уже после...

– Нет, Андрей, – доктор отрицательно покачал головой, снял свои очки и, посмотрев на просвет, вновь принялся вытирать их. – Следам обряда года полтора-два, точнее не скажу... Просто до какого-то момента он находился в неактивном состоянии, ну как яйцо у членистоногих. А сейчас – обернулся нимфой, вылез и начал жрать потоки. Так что надо что-то решать. Боюсь, когда он превратится в имаго, будет уже поздно для мальчишки.

– Вот, значит, как, – протянул ректор, нахмурившись. – Говоришь, года полтора-два.

– Да, – кивнул его собеседник и серьёзно посмотрел на Сафронова, – ты, как мне кажется, знаешь, что тогда в жизни парня произошло?

– Умер один человек, – задумчиво произнёс тот. – Вот что, Петрович, Кузьме об этом ничего не говори, но постарайся расспросить поподробнее, что да как.

– Не учи батьку детей делать, – беззлобно огрызнулся доктор и, когда его старый друг хотел уже было выйти за дверь, внезапно спросил: – Беленькой рюмашечку не хочешь?

– А почему бы и нет... – пожал плечами Сафронов, возвращаясь в кабинет.

Глава 3

Государь император ещё раз обвёл нас троих тяжёлым взглядом, по очереди задерживаясь на каждом из присутствовавших. Вот только порция недовольства Его Величества, обращённая на мою персону, всё равно была наибольшей. Девушки, гордые и независимые, все такие из себя смелые и решительные, перед дверью в личный кабинет императора быстренько превратились в... нет, не сереньких мышек, а натуральных ангелочков, на которых даже повышать голос казалось чем-то сродни грехопадению Адама. Затем, не сговариваясь, взяли меня в клещи и, когда могучие створки дверей, перед которыми застыли двое гвардейцев Преображенского полка, медленно растворились, синхронно сделали почти незаметный шагок назад.

Вот так и получилось, что в нашей банде я вроде бы оказался главарём. Ну или был выставлен козлом отпущения и громоотводом для венценосного гнева, это как посмотреть, потому как тонкий психологический манёвр сестриц сработал не полностью. Ввиду знакомства их отца с подобными маленькими девичьими хитростями собственных дочерей.

В любом случае свою порцию молчаливых взглядов я стоически выдержал и даже не шибко обиделся на подобную подставу со стороны Нины и Инны. Всё-таки одна из них была моей любимой женщиной, а вторая...

Я мысленно хмыкнул, стараясь сохранять каменное выражение лица, отмеченное определённой долей печати интеллекта на оном, но не скатываться на классическое и установленное ещё Петром I правило, гласящее, что: «Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство». Короче, в силу своих актёрских способностей, навесил на себя именно ту мину, на присутствии которой хором настаивали обе девушки.

Моё вчерашнее пробуждение в медицинском боксе оказалось для меня полной неожиданностью. Ещё секунду назад я вроде как гонял чай вместе со старшей цесаревной, а затем в глаза мне ударил мягкий свет, и я вдруг, проморгавшись, увидел казённые потолочные плиты, не оставлявшие сомнения в принадлежности заведения, в котором я оказался. Признаться честно, попервости я даже подумал было, что – вот оно! Откачали меня врачи от многомесячного бреда, и сейчас появится добрый седенький доктор и, поинтересовавшись самочувствием, расскажет мне, что я нахожусь в Новосибирской городской больнице, куда попал прямоком из своей общаги, после тяжёлого отравления недоброкачественными пельменями. Так и окажется, что всё, что со мной произошло, было глюками воспалённого сознания...

Следующая, ещё более бредовая, мысль о том, что возможно, на самом деле, я всё ещё изуродованный инвалид и со мной не происходило вообще ничего, а здесь я оказался, провалившись в кому, после одного из случившихся со мной болезненных приступов, заставила меня буквально подскочить на кровати. Датчики, которыми было облеплено моё тело, естественно, послетали, взвыла тревожная сирена и почти сразу же в комнату набежала целая толпа людей в белых халатах.

Я покосился на стоящую слева от меня цесаревну Инну и едва заметно вздохнул. За то, что эта зараза траванула меня какой-то гадостью, я вначале вообще хотел её просто-напросто придушить! Хорошо, что у неё хватило ума не примчаться встречать меня на выписку из больницы, как это сделали остальные девчонки. Хотя, признаться, сам факт того, что стоило очнуться и уже через час меня радостно турнули из палаты, заявив, что я полностью здоров, сам по себе сильно озадачил. Мне почему-то казалось, что человека, едва-едва оклемавшегося от подобного состояния, должны были бы как минимум неделю держать в стационаре, поить бульончиком с ложечки и старательно наблюдать за его самочувствием.

Так вот, Инны среди приехавших на такси девушек – не было. Зато были мои подруги, и даже примчавшаяся по такому случаю из Москвы Анька. Были охи и вздохи, счастливый писк,

смех и писк, и поцелуи. Были объятия и радостные вздохи, а затем, к моему глубочайшему удивлению, такси остановилось перед кампусным вокзалом, где нас встретили два суровых бодигарда в серых костюмах-тройках и незнакомая мне женщина. После чего со мной вежливо, но настойчиво попрощались, и вся честная компания, за исключением Нины и нашего водителя, отправилась в сопровождении этой троицы: «Катать Аську на аттракционах в Парке Горького и показывать Москву!»

Вот тогда-то я и понял, что здесь что-то нечисто, потому как мне – как только что выздоровевшему организму, мало того что не предложили поучаствовать в подобном веселье... а ведь я никогда не был даже на «колесе обозрения», не то что на «американских горках». Так ещё и сидевшая рядом Нинка буквально повисла у меня на руке, пресекая любые попытки выбраться из микроавтобуса, прошипев что-то типа: «Успокойся и не дёргайся – так надо!»

– Ну, здравствуй, Кузьма, – произнёс сидевший за огромным рабочим столом высокий седоволосый мужчина в белом военном мундире, вперив в меня долгий и такой острый взгляд, что по спине побежали мурашки. – Вот и познакомились.

– Здравствуйте, Ваше Императорское...

– Зови меня Святослав, – оборвал он меня и, увидев моё полное непонимание, пояснил: – Ты, Кузьма, русский Аватар, пусть и очень молодой, и неопытный. Незнакомый с нашими правилами и не осознающий полностью свою силу. Но тем не менее – такой же, как и все остальные одарённые седьмого ранга. А они, как Аватары, так и Воеводы, в личном общении имеют право называть императора на «ты», потому как наделены правом возражать мне и оспаривать мои решения. В рамках разумного, разумеется. Понятно?

– Так точно, Святослав... э-э-э... Андреевич, – ответил я, чувствуя себя не в своей тарелке.

Почему-то сразу вспомнились слова герцога Сафронова, произнесённые им на той встрече, когда он рассказывал мне об Аватарах и сделал предложение поучаствовать в турнире: «...государство – это мы!»

– Ну, пусть будет ещё и «Андреевич», – хмыкнул Его Величество, всё ещё полностью игнорируя пристроившихся чуть позади меня дочерей. – А сделано это, Кузьма, ещё и для того, чтобы я с чистой совестью мог делать следующее, разговаривая с такими, как вы, на равных. Без титулов и магических званий, потому как «подданного» или «подчинённого» я вполне могу сгоряча и на плаху отправить. А равного – сам понимаешь.

На несколько секунд в кабинете воцарилась тишина, а затем – началось. Как же Его Высочество орал на нас троих. Маты так и летали по помещению, отражаясь многократным эхом от стен, стёкла дрожали, готовые осыпаться от венценосного гнева, а сестрички, так и вовсе сжавшись в комочки, спрятались у меня за спиной. Впрочем, Святославу Андреевичу было на то наплевать, а всё потому, что он костерил всех скопом, не делая различий между мной и своими родными детьми. А самое противное, что он был в своём праве разъярённого отца, а мне, с моим правом Аватара «возражать», и сказать было, в общем-то, нечего. То, что я перед ним виноват – я собственно понимал и сам.

А всё потому, что меня, можете представить – буквально изнасиловали... две особо хитрозадые сестрички императорских кровей. Когда девушки дружной толпой отправились развлекаться в Москву, под пристальным надзором телохранителей и гувернантки из людей Нинино деда, я сразу понял, зачем Зайка провернула нечто подобное, и приготовился к тому, что мы поедем в «Регалию», но такси направилось напрямик от вокзала к особняку Весомовой.

По прибытию же меня ждал сюрприз... в виде цесаревны Инны и... слёз, извинений, объяснений, признаний в любви, споров, доходящих до крика. И всё это под крепкий кофе неизвестной мне марки со стойким привкусом ванили и клубники. Ну и как результат полное и безоговорочное поражение моих моральных и нравственных принципов, а также трещащий по всем швам шаблон. Спротивлялся я настойчивым пожеланиям, а то и вовсе требованиям

сестёр долго, стойко, но... проиграл, и мой вроде бы несокрушимый бастион был взят слаженным штурмом двух армий, при поддержке гормональной артиллерии.

Уже будучи загнанным в угол, я выдал последний и самый веский, на мой взгляд, аргумент, который должен был подействовать на обеих разгорячившихся и покрасневших девиц. Заявил, что не готов к подобным экспериментам, и вообще, они обе, и в особенности Нина, должны знать – что сам я человек ревнивый, обидчивый и вообще собственник. Так что, если увижу кого рядом с ней – буду убивать, невзирая на личности.

Меня, по-моему, даже не услышали. Девушки переглянулись, расхохотались и накинулись на моё брненное тело. Проклятые гормоны. В общем, всё началось в чайной комнате на втором этаже, потом переместилось в спальню, затем мы, в качестве отдыха, съездили в один из магазинов одежды, при котором имелось ателье, подобрать и подшить мне костюм на сегодняшнюю аудиенцию. Ну а после этого всё завертелось по новой.

Оказавшись на несколько минут в комнате наедине с Ниной, в то время как Инна убежала по своим делам, я спросил Нину, зачем она всё это устроила. Ведь в данном случае было абсолютно понятно, кто из сестёр являлся заводилой и организатором всего этого мероприятия. Как видно и то, что девушке не очень-то и приятно происходящее, хотя она и пытается это скрывать.

Посмотрев на меня несколько секунд, из её глаз вдруг побежали слёзы, оставляя влажные дорожки на щеках, и она, уткнувшись мне носом в плечо, прошептала: «Прости! Прости меня, Кузьма! Но так было нужно!»

«Кому? – я аккуратно вытер большим пальцем слезинку с её лица. – Я же вижу, что тебе неприятно и...»

«Нет, любимый! Тут ты не прав... просто. В общем, это я, наверное, не смогу тебе объяснить! Поверь мне, с тобой – мне очень хорошо!»

«Хм... – я нахмурился, – ну так объясни хотя бы: Зачем?»

«Причин много... – ответила мне девушка. – Но конкретно тебя касается только то, что Инна всё равно бы не мытьём, так катаньем, но добилась бы своего».

«Ты думаешь, что я...» – слегка отстранившись, я с удивлением посмотрел на Нину.

«Да нет же, дурачок! – девушка мягко улыбнулась и быстрым движением поцеловала меня в нос. – Просто я, в отличие от тебя, знаю мою сестрёнку, потому, пусть лучше всё случится вот так! Под моим присмотром».

«Ну, а другие причины?» – поинтересовался я.

«Ой. Вот не думаю, что ты их поймёшь. Особенно те, которые связаны с дамской стороной аристократической жизни. Просто поверь мне, сестра мне теперь очень, очень сильно обязана. Это ещё не победа, но что-то вроде того, как говорится... – она привстала на руках и с интересом посмотрела мне в глаза. – А скажи. Ты действительно готов убить из-за меня? Ну, если вдруг у меня...»

«Да. А что?» – я слегка напрягся.

«Ничего, – она искренне улыбнулась. – Просто я – счастлива!»

Мне оставалось только хмыкнуть, так как в этот момент вернулась Инна.

Сейчас же Его Императорское Величество, для которого, как оказалось, ни наши с Ниной randevu в «Регалию», ни вчерашние, плавно перетекающие в сегодняшние приключения не были секретом, распалялся почём зря. Мне же оставалось только слушать, повинно молчать и гадать, в чём была причина этого вызова изначально. Перед тем, как... ну, в общем, в описание вчерашнего в исполнении красного как варёный рак государя Всероссийского мат вставлялся даже не через слово. Оно просто состояло из мата, но смысл сводился к тому, что про наши посиделки на троих – знал уже весь двор. Чем император был очень и очень огорчён, что и доводил до нас самым доходчивым образом. Причём, как мне показалось, утечка информации о свершившемся его раздражала куда более, нежели сам факт интимных утех дочерей.

* * *

Прячась за широкой и, как ей отчего-то казалось, монолитной спиной Кузьмы от волн отцовского гнева, Нина слушала матерные рулады отца вполуха, только запоминая слова, но не вникая в их содержание. С него ведь ещё станется спросить – что именно он говорил. Не сегодня, завтра или послезавтра, а совершенно внезапно, когда посчитает нужным, и вот если неблагодарный слушатель не сможет ответить на этот вопрос... вот тогда его ждёт самое настоящее наказание.

Девушка поморщилась, вспомнив, что забыла предупредить своего любимого о подобной особенности собственного папани. А затем едва заметно усмехнулась, ведь Кузьма у неё паренёк резкий, и с него станется повторить императору всё слово в слово... М-да. Надо обязательно предупредить, а не то – точно будет вторая серия.

Цесаревна тихонько вздохнула и покосилась на сжавшуюся рядом сестру, так же, как и она, разыгрывающую пантомиму «Нерадивая дочь, застигнутая грозным отцом на горяченьком», в вариации «Подле благородного рыцаря». Поза десятая: «Он тоже виноват, но не очень!» С неудовольствием девушка отметила, что актрисой сестра оказалось получше, нежели она сама, что, впрочем, видимо, объяснялось тем, что в данный момент на душе у самой Нины действительно вовсю скребли кошки.

Весомова чувствовала себя очень и очень виноватой. И вроде бы всё получилось как нельзя лучше, затащив Инну в их с Кузьмой постель, она действительно добилась невероятно многого, вот только почему-то у неё было такое ощущение, что именно она внаглую изменила своему любимому человеку. Впрочем, с этим неприятным чувством следовало разобраться позже, хотя скорее всего, произрастало оно не из любовных утех на троих, в коих они провели прошедшие сутки и ночь, а из того, что во всём её тщательно продуманном плане существовало одно очень узкое и опасное место. Этакий Рубикон, после пересечения которого многое становилось ясным, но можно было и налететь очень по-крупному.

Нина, знала, что после нападения наёмников и похищения Андре, за её особняком было установлено самое что ни на есть тщательное наблюдение, и вот тот момент, когда «на стол» к её отцу лёг доклад о том, чем именно занимаются его младшие дочери с молодым Аватаром... был самым непредсказуемым и опасным. Много в их с сестрой будущем зависело от того, как прореагирует на подобное непотребство Его Величество.

Никаких действий, собственно говоря, не последовало. Это было одновременно и очень плохо и очень даже хорошо, смотря с какой стороны посмотреть, но как минимум косвенно подтвердило определённые данные, переданные ей разведкой дома Лопатиных, что примирило её с сестрой, и что самое главное, они сейчас стояли здесь, все трое. В противном же случае вполне вероятен был очень неприятный исход.

В особняк ворвалась бы штурмовая команда и... Нине не известно, где бы оказались она и сестра, но скорее всего в какой-нибудь из закрытых регенерационно-восстановительных клиник, где из них снова бы сделали «девочек», почти неотличимых от «натуральных»... ну а Кузьму отправили бы на долгий и очень неприятный разговор в подвалы дома на Лубянке. Но в этом плане всё обошлось, хотя девушка всё равно чувствовала себя той ещё сволочью.

Но... если «слухи», которыми с ней поделилось СБ деда, всё равно требовали ещё многочисленных уточнений, то своих целей в отношении сестры и планов её матушки Нина добилась, что несколько успокаивало её так не вовремя пробудившуюся совесть. Ей удалось совершенно незаметно для разгорячённой и возбуждённой сестры поставить ей на чакру Свадхистхану контрацептическую вязь, и теперь залететь от того, под кого надумает подложить Инну её дражайшая мамаша, у девушки просто-напросто не получится.

Жестоко – да! Но это только цветочки. Так, на всякий случай, если прелестнейшая Вика Степановна Герцина решится пойти ва-банк и похитить более не принадлежащую ей дочь. А так... она с её родичами покусились на её Кузьму, а подобного Нина спускать была не намерена. Кузьма вроде бы говорил, что он «собственник» и убьёт любого, кто покусится на неё, так вот, любимый, видимо, даже не догадывался, кто именно из них двоих на деле является этим самым пресловутым «собственником»!

Решиться на то, чтобы подпустить к нему какую-либо ещё женщину, девушке стоило неимоверных усилий. Она фактически сломала сама себя через колено. Намного проще было уговорами, угрозами и обманом склонить сестру к подобному мероприятию... всё-таки у неё это был первый раз, да к тому же Весомовой просто необходимо было, чтобы всё это происходило при её активном участии, в противном случае ей не удалось бы навесить на сестру вязь.

Но на самом деле тут была целая песня, которую девушка исполнила по высшему разряду. В тот день, когда Кузьма по её вине загремел в больницу, Инна хоть и бодрилась, но всё равно находилась в таком состоянии, что, видимо, позабыла все основные правила личной безопасности. Евгению же Ленка, как девушки и договорились, просто не подпускала. Так что вызванная герцогом Сафроновым машина привезла старшую цесаревну не в посольство Первого, а напрямик домой к младшей сестре. Где коварная Нина и отпаивала почти всю оставшуюся ночь находящуюся в расстроенных чувствах родственницу очень особым и полезным чайком с интересными и не совсем разрешёнными к применению добавками.

В результате действия напитка вначале девушке удалось уговорить сестру отослать от себя временно впавшую в немилость Евгению, а затем, когда старшенькая дошла до нужной кондиции размягчения мозгов, перешла в наступление. Впрочем, сопротивлялась сестра не долго. Видимо, действительно была влюблена, да и упоминания об образовавшемся долге перед молодым человеком действовали отупляюще на и так находящиеся под воздействием препарата мозги, вот она и поддалась уговорам.

Можно было, конечно, повысить дозу, добавить снотворного и сделать всё, не прибегая к подобным ухищрениям, но это чревато скандалом, который вполне мог перерасти в войну родов. Ведь на следующий день были занятия, и Нина при всём желании не смогла бы задержать сестру у себя. Да к тому же, зная о не самых лучших взаимоотношениях между младшими дочерьми императора, первое, что сделала Евгения, встретив хозяйку утром, так это немедленно просветила её ручным сканером и, кажется, даже удивилась, не обнаружив на Инне ровным счётом ничего.

Нина и не была такой дурой, чтобы палиться подобным образом. Сама себя она считала человеком мстительным, а потому, несмотря на слова и поведение, вовсе не собиралась вот так вот спускать что-либо давней и так удачно попавшейся в её сети сопернице.

Своё слово Инна сдержала, хотя, похоже, и жалела уже о столь опрометчиво данном сестре обещании. Проблемы возникли с другой стороны... Кузьма, ломая все стереотипы о парнях, которым только дай волю, помани пальчиком, и они готовы, пуская слюни, запрыгнуть в постель, а тем более к целым двум настоящим красавицам – бился как лев, ломая все так удачно разворачивающиеся планы. Даже несмотря на то, что она сама, сражаясь с совестью и собственными эмоциями, наивно хлопая глазками, врала ему, что она действительно этого хочет, он, словно чувствуя, что творится у неё на душе, сопротивлялся до последнего.

Нине было очень приятно, что её любимый такой честный и верный, но позволить вырваться бабочке из сетей – она не могла. Впрочем, она уже неплохо познакомилась с характером своего парня, а потому приготовилась к чему-то подобному. Настоящая «Красавица & Красавица», заранее выписанная ею из фамильной аптеки, ударная доза которой была добавлена в кофе, действовала в результате на всех троих. Накрыло даже её, но то, что нужно было сделать – она сделала. И дело было даже не в том, чтобы незаметно установить на Инну противозачаточную вязь. Нине нужно было больше, а потому в самый ответственный момент,

когда ещё ничего не случилось, но старшая сестра уже плохо соображала, растаяв под взаимными ласками, цесаревна провела над ней и любимым сакрально-интимный обряд принятия в дом фаворитки.

Естественно, что в здравом уме и твёрдой памяти Инна никогда бы не согласилась на что-то подобное. Ведь фаворитка это не соперница, не свободная женщина и, что самое главное – не любовница мужа. Это верная рабыня хозяйки дома. То есть той, кто собственно и проводит обряд принятия над соединившимися мужчиной и женщиной. Ни при каких других условиях владетельные аристократские жёны не согласились бы, чтобы их мужья ходили налево, а в семью входили посторонние люди. Тем более всего-то из-за какого-то там «Эдикта о магии».

Девушка поморщилась и поплотнее прижалась к спине Кузьмы, стойко выслушивавшего вопли её отца. М-дам. «Эдикт о магии»... Естественно, что Инна сама бы не согласилась стать фавориткой. Но... согласия или каких-то особых слов от женщины в подобном состоянии никто и не ждал, а паспорт, в котором ещё отсутствовал соответствующий штамп, при ритуале демонстрировать не нужно. Есть две женщины, мужчина, естественный процесс, и магия, которую каждая девочка в высших аристократических родах знала, можно сказать, с детства.

И хоть сам поступок Нины был, мягко скажем, непростительным... ну и пусть! Девушка ни на секунду не сомневалась в своей правоте, да и осудить её никто не сможет. Даже эта стерва – старуха Герцина, только попробует открыть свою пасть, теперь Инна – верная своей новой «семье», первая публично обвинит мать во всех смертных грехах, вытащив наружу всё известное ей грязное бельё. Нет... Вика Степановна не такая дура, чтобы так подставиться. Скорее всего – смолчит, но вот отомстить – может. Но у неё есть любимый, хотя нет – скорее уже муж! Пусть даже без штампа в проклятом паспорте, ведь проведённым ритуалом она сама неразрывно связала себя со своим мужчиной. Хотя эта часть обычно считалась необязательной и редко использовалась. Мало кому из женщин хотелось вешать на себя подобные оковы. А она как чувствовала, что по-другому – нельзя!

Нина мягко улыбнулась, подумав, какой же Кузьма у неё хороший, и тут же получила локтем в бок от сестры. И правильно! Поделом ей! Не стоит расслабляться! Тем более в такой момент... И всё же... Инна тогда поревела чуток, залепила ей пощёчину и махнула рукой. Смирилась – да нет, Нина не была настолько наивной, просто... поняла, что проиграла, и не сказать, чтобы осталась недовольна утешительным призом. Да и новоявленные узы не давали ей почувствовать себя оскорблённой. Но вот для Нины всё это, к сожалению, ещё не было настоящей победой.

Кузьма же... назвал Нину идиоткой и пробурчал, что ожидал чего-то подобного от этих больных на всю голову аристократов. А когда она уже готова была разреваться, притянул девушек к себе и только спросил, а готовы они сами-то испытывать всю жизнь такие вот эрзац-чувства. И вот тут обе сестры наперебой начали объяснять ему, что чувства-то как раз самые что ни на есть настоящие! Просто растянуты по времени и не меркнут под гнётом быта и разнообразных мелочей, портящих совместную жизнь. А вся скандальная семейная хроника высшего общества произрастает из-за того, что девяносто процентов браков заключаются по расчёту.

«А если по любви... то лучше уж вот так! – заявила тогда Инна. – А ты, Нинка, всё равно дура! Я тебе ещё за это отомщу!»

«Да и ладно...» – сказал тогда Кузьма, когда наконец они успокоились.

«Что, вот так вот взял и принял то, что эта дура тебя вконец охомутала?» – ехидно поинтересовалась старшая сестра.

«Ну а что ты от меня хочешь? – парень посмотрел на девушку. – Чтобы я в истерике бился? Или обиженку изобразил? Ну уж нет, ваше высочество... извольте. Поживём – увидим».

Нина вновь едва заметно вздохнула. И всё-таки душа у неё до сих пор болела. Естественно, что, как и любая нормальная женщина, она хотела бы быть той самой, «одной-един-

ственной», но на пути у этих наивных желаний непреодолимой стеной стоял «Эдикт о магии». Очень несправедливый, дискриминационный, но жизненно необходимый стране закон, призванный повысить общее количество одарённых в государстве как минимум до тридцати процентов от всего населения. Как дочь императора, она прекрасно понимала его необходимость, а потому... если уж она решила связать себя именно с Кузьмой, то должна заранее готовиться к тому, что рано или поздно Имперская Канцелярия заставит его принять к себе фавориток.

К сожалению, «дар» штука большей частью наследственная и передающаяся по мужской линии. Бывают, конечно, эксцессы, как, например, с отцом Кузьмы, когда наследственность передается через поколение, но обычно именно от отца зависят будущие силы ребёнка. Одарённая мать же, не ниже второй ступени с открытой чакрой Свадхистханой, всего лишь вынашивает плод, одаряя его потоками Сансары из своих чакр и не позволяя дару купироваться. И не важно, воины родители или маги, ребёнок в любом случае будет врождённым одарённым.

Есть, конечно, в Индии так называемые «Азуры», женщины, у которых дар передаётся по материнской линии, но... Но! Даже если бы её любимый не был Аватаром, если бы он действительно оказался бы всего лишь воином Есаулом, каковым представился ей при их первой встрече... То она всё равно бы...

Девушка даже не заметила, как схватилась за рукав Кузьмы и крепко-накрепко сжала его дрожащими пальцами.

* * *

– ...уй бл... – Его Величество замолчал на полуслове, тяжело дыша и глядя на нас троих.

Видимо, осознал, что внимательно слушаю его только я, в то время как девушки давно уже ушли в прострацию.

– Так, – он выдохнул и, помолчав пару секунд, приказал: – Так... дочери... быстро исчезли, и чтобы в ближайшие несколько недель я о вас даже не слышал. Потом буду думать, что с вами делать.

Сестер как ветром сдуло, а я так и остался стоять перед шикарным рабочим столом императора Всероссийского без тыловых подпорок и соответствующего прикрытия.

– Бери стул, проходи и садись, – гулко произнёс Его Величество.

Я выполнил то, что от меня требовали.

– И что? Тебе нечего сказать? – исподлобья буравя взглядом, спросил самодержец. – Или язык от страха проглотил?

– Да нет, могу разве что спросить. А на какой результат вы рассчитывали? – ответил я, глядя ему прямо в глаза. – Ну, когда подвели ко мне своих дочерей?

Почему-то я совершенно не испытывал страха перед этим человеком. Вроде бы папаня оприходованных мной девочек, а даже сантехник дядя Вася из Чулыма, у которого была гулящая дочка Маша по кличке «Дуршлаг» и который по пьяни порой гонял её ухажёров по посёлку, казался мне опаснее.

– А может, мне действительно тебя просто казнить? – набычился император. – Знаешь поговорку: «Нет человека – нет проблемы?»

– Оно вам надо?

– Не надо, – ответил мужчина, – но уж больно ты умный.

– Это плохо?

– Это, Кузьма, – опасно. Особенно в твоём нынешнем шатком положении, – он достал из стола какую-то изукрашенную вензелями бумагу и толкнул её ко мне. – Подписывай.

– Что это? – я быстро пробежался взглядом по строчкам текста, но не смог прочитать ни единого слова.

На документ явно была наложена какая-то вязь из разряда иллюзий, потому как буквы разбегались, скакали и прыгали, не позволяя мне понять, что собственно написано. Только прочерк и строка с моей фамилией и инициалами оказались вполне разборчивыми.

– Приказ о твоей кастрации, – рявкнул император. – Подписывай, я сказал!

– Предупреждаю, биться буду до последней капли крови, – буркнул я в ответ, не поверив в его слова и ставя свою незамысловатую закорючку и отталкивая листок. – Так скажете, что я подписал или нет?

– А ты сам мозгами подумай, – ответил мне отец Нины, притягивая документ к себе и внимательно пробегая его глазами. – Могу я позволить, чтобы по стране бегал Аватар-неучтёнка, который к тому же потр... моих дочек.

Сказав последние слова, он побагровел, но сдержался. После чего гулко выдохнул и хлопнул кулаком по столу.

– Жадный же ты парень, герцог Кузьма Ефимов. Не мог на одной остановиться. Что, тебе – Нинки мало было?

– Да я не... они... – я запнулся и уставился на императора. – Как вы меня называли?

– По титулу, – ответил он, расплывшись в довольной улыбке. – Который ты только что благополучно унаследовал от своего деда. Вчера старик, припёртый к стене вашей выходкой, спас таким образом твою дурную башку, приняв наконец титул. Жаль, конечно, что теперь Инну не удастся выдать за принца Альфордо, как мне того хотелось, но хрен с ними, с этими испанцами. Если родит мне сильного одарённого, желательно внука, то я тебя совсем прощу.

– Так! Стоп, стоп, стоп! – я замахал руками. – Вы что? Серьёзно?

– Я всегда серьёзен, – он с прищуром посмотрел на меня. – Парень, или ты думаешь, что я позволю тебе поматросить и бро...

– Да я не о том, Святослав Андреевич! – воскликнул я, соскальзывая с шероховатой темы, потому как девушки девушками, а детьми обзаводиться я пока вовсе не собирался. – Мне казалось, что Инна – одна из наследных принцесс.

– А вот об этом, как и о дате вашей помолвки с Ниной, мы с тобой поговорим попозже, – отрезал император. – И я надеюсь, ты понимаешь, что сёстрам о только что услышанном говорить не следует. Ты меня понял?

– Вполне.

– Вот и хорошо. – Его Величество нажал на какую-то кнопку, вмонтированную в столешницу, и произнёс: – Федя, проводишь молодого человека... нет, лучше сам отвези юного герцога в Седьмую лабу. Так надёжнее.

– Московскую? Или питерскую? – спросил голос.

– Питерскую. Лучше туда. Нужно выяснить максимум возможностей нашего молодого защитника Родины, а то как бы Родина не пострадала после того, как он начнёт её защищать. И да. Если девочки надумают поехать с ним – не препятствовать. Всё понятно?

– Так точно!

– Исполнять.

* * *

Как только за Кузьмой закрылись двери, часть стены по левую руку от стола Его Величества отъехала в сторону, и из образовавшегося проёма вышел сухонький старичок. Медленно повернув к нему голову, император несколько мгновений смотрел на его фигуру ничего не выражающим взглядом, а затем сказал:

– Старик, а давай обнимемся, выпьем и ты набьёшь мне морду!

– Ой ли? – усмехнулся тот. – Неужто так пробрало?

– Да не то слово... – покачал головой мужчина. – Внук у тебя тот ещё кадр... Да я лучше застрелюсь, чем ещё раз позволю себе строить этих пигалиц в его присутствии. Меня от его взгляда жуть пробирает. Как в глаза Варягу опять смотрю. Ну, перед тем как он в Зону ушёл.

– В силу мальчик входит, – вздохнул старик, опускаясь на оставленный Кузьмой стул. – Но надо, Слава. Надо. Я из-за этих... своими принципами поступился. А уж тебе сам бог велел. Хм... дочери-то у тебя – красавицы.

Император промычал в ответ что-то невнятное. Затем поднял глаза на старика.

– Жаль только, дуры малолетние, – он грустно усмехнулся и махнул рукой.

Глава 4

В таинственную лабораторию, куда направил меня император, расположенную где-то под Питером, примерно в районе Ольгино, нас доставили меньше чем за полчаса на меганавороченном челноке. Я даже не знал, что такие зверь-машины существуют в природе, а потому откровенно удивился, когда порученец самодержца, проведя нас на стартовую площадку, оборудованную в глубине территории зимней подмосковной резиденции, попросил подождать пару минут, пока пилоты готовят аппарат к полёту.

А затем в центре, казалось бы, абсолютно ровного взлётного поля, предназначенного, как я думал, для вертолётов, медленно раскрылись створки шлюза и на подъёмной платформе из-под земли вылезло «Это». Немного рубленый белый обтекаемый корпус, разбитый тёмно-синими полосами, идущими вдоль чуть приплюснутого, со сглаженными углами фюзеляжа, изрезанного какими-то бороздами. Они плавно перетекали в задней части монстра, в недлинные, но широкие, опущенные к земле крылья с обратной стреловидностью, также порубленные странным продольно повторяющимся ступенчатым узором. Так что складывалось впечатление, что летательный аппарат – какой-то небывалый хищник, прильнувший к земле перед решительным броском и лишь слегка приподнявший голову, чтобы лучше видеть свою жертву.

При этом у машины отсутствовало как хвостовое оперение, так и какие бы то ни было другие выступающие из корпуса функциональные части привычных мне по виду летательных средств. Не было ни турбин, ни винтов или хотя бы шасси. Аппарат просто стоял на подъёмной площадке, опираясь на окончания крыльев и какие-то столбообразные опоры в задней части корпуса.

– Да вы, блин, шутите! – невольно выдохнул я, когда эта дура вдруг задвигалась, поднялась на своих «куриных» ножках и, медленно переваливаясь, зашагала прямо на нас.

– Аэрокосмический военный десантно-штурмовой челнок «Сирин-1», производства КБ Сухого, – проинформировал меня стоящий рядом поверенный Его Величества Фёдор Игнатьевич, высокий и стройный мужчина с военной выправкой. – Первый полностью техномагический образец перспективной военной техники.

– И что... вот это вот... такие у нас в армию поставляться будут? – недоверчиво спросил я, покосившись на Нину и Инну, которые после короткого, но бурного обсуждения решили таки отправиться вместе со мной.

Не похоже, чтобы приближающаяся к нам шагающая громадина произвела на них особое впечатление. Да и неотступно следовавшие за ними сёстры Касимовы не выглядели удивлёнными, но в отличие от своих подруг-хозяек, с интересом посматривали на чудо сумрачного российского гения, словно бы сошедшее со страниц какой-нибудь фантастической книжки про космос.

– Нет, – ответил мне поверенный. – Эти машины в серию не пошли, проект не был принят комиссией от Минобороны. При всех своих достоинствах «Сирин» имеет ряд существенных недостатков. В частности, конструктивно он слишком сложен, и для производства и обслуживания ему нужны высококвалифицированные маготехники, что исключает массовость и затрудняет ремонтные работы в «полевых» условиях. Шагающее шасси обладает пониженной микроманевренностью, и чтобы сдвинуть его хотя бы на пару метров, необходимо либо размещать аппарат на специальных платформах, либо полностью активировать систему, что при частых запусках и отключениях значительно снижает рабочий ресурс. Я уже не говорю про его стоимость...

– А зачем вообще ему нужны ноги? – задал я очередной и вполне очевидный, на мой взгляд, вопрос. – Насколько я знаю, американцы пытались в двадцатых годах сделать шагающие танки, но отказались от этой затеи из-за повышенной уязвимости данного типа шасси и общего

высокого профиля техники. Да и вообще, на мой взгляд, глупая это затея. Один-единственный боец с РПГ или, не дай бог, маг ранга Ауктора. Да даже воин-Ротмистр, если поднапряжётся, голыми руками подобную хрень разломать может!

– Ну, голыми руками «четвёрочка»-то вряд ли сильно технике навредит, – с сомнением ответил мне Фёдор, задумчиво следя, как в нависшем над нами брюхе «Сирина» открывается аппарат. – Но в целом вы правы, ваша светлость. Правда, это касается, в первую очередь чисто технических образцов. В данном же случае, как я уже сказал, аппарат полностью маготехнический, и надёжность у его узлов значительно выше, вследствие использования защитных магом, запитанных от общего и резервного контуров. Ну и к тому же – это всё-таки не танк, в задачи данного аппарата не входит ведение наземного боя. Зато подобный тип шасси, снабжённый захватами, позволяет произвести посадку на практически любой тип поверхности, будь то сыпучий грунт, поверхность астероида или обшивка космической станции. Причём независимо от углов наклона. Как я уже сказал, основная проблема заключается в том, что на данный момент конструкция чрезвычайно сложна в обслуживании. А пока – прошу подниматься на борт, если вам интересно, во время перелёта я отвечу на все ваши вопросы.

В общем-то фантастическое чудовище, от которого наотрез отказались прагматичные армейцы, было по сути прототипом техники будущего. Как и всё в наше время, заточенной на предстоящий выход человечества в космос, и, в частности, к назревающей большой драке за Кратер Глазенапа, оставленный на лунной поверхности врезавшейся в неё в конце девятнадцатого века Кометой Менделеева. По предварительным оценкам, содержащаяся там концентрация природного нуль-вещества превосходила, ну или была как минимум сопоставима с общеземной. А потому это был лакомый кусочек для всех земных государств, особенно учитывая совершенно нестабильную политическую ситуацию в лунных поселениях, которую активно расшатывала Китайская Коллективная Социалистическая Республика, ежегодно значительно превышавшая лимит переселенцев.

Судьба же «Сирина-1», на базе которого сейчас разрабатывались машины новейших серий, казалось бы, должна была быть незавидной, как и другие, признанные неудачными образцы техники военного назначения, как советского, так и неоимперского периода. Части из шестнадцати произведённых машин предназначено было навсегда стать музейными экспонатами, остальные же скорее всего пошли бы в утилизацию или были спрятаны в каких-нибудь секретных ангарах. Так бы и случилось, если бы по счастливому стечению обстоятельств на проект не обратила внимание Имперская Канцелярия, в недрах которой давно уже назрел вопрос о необходимости создания аэротранспортного средства повышенной защиты для высших лиц Империи.

Так, после небольших переделок бывшего десантного отсека, превративших суровую солдатскую обитель в салон-люкс на несколько персон, эта сверхскоростная и необычайно маневренная птичка, всё ещё способная вести воздушный бой и надёжно защищённая магией, обрела шанс на новую жизнь. Правда, гриф секретности с аппарата так до сих пор и не сняли, а потому пользовались ими пока что редко и только при перелётах между специально оборудованными объектами в Крыму, Сочи, Москве, Питере, Владивостоке и Аркаиме. Нас же решили покатавать на одном из двух «Сиринов», принадлежащих лично императору, исключительно по причине срочности, с которой Его Величество потребовал доставить меня в Седьмую лабораторию.

Сделав круг над пригородным лесом и расположенным в его глубине небольшим домом отдыха с корпусами ещё явно советской постройки, летательный аппарат на несколько секунд завис в воздухе. Пилот слегка повернул «Сирина», и тот, не снимая маскировочного поля, медленно опустил небольшую квадратную полянку, скрытую от посторонних глаз высокими деревьями, ощутимо клацнув суставами лап при касании.

* * *

Брошенная высокой, статной блондинкой ваза с грохотом разбилась о стену. Почти сразу за ней туда же полетел блок голографического монитора, до удара всё ещё исправно транслировавший зацикленную запись того, как, выбравшись из шикарного автомобиля, к главному входу в императорскую подмосковную резиденцию идёт парень под руку с двумя очаровательными девушками.

– Тише, тише, дорогая. Пощади ни в чём не повинную технику, – слегка жеманно и как-то устало произнёс развалившийся в кресле франтоватый молодой человек, лениво наблюдавший за вспышкой гнева высокородной леди. – Не забывай, что я предлагал тебе беспроеигрышный вариант. Ты сама от него отказалась, поставив всё на этого недоаватара...

– Заткнись, – прошипела на него женщина. – Просто замолчи, пока я не...

– Что ты «не»? – откровенно издеваясь, спросил её собеседник, вопросительно изогнув тонкую бровь. – Ты не захотела, чтобы отцом твоего внука стал я. Хотя напомню, я предупреждал тебя о том, что эликсир был создан резонировать именно с моим эфирным телом. Но ты решила поступить по-своему!

Женщина вдруг остановилась и, повернувшись к нему, смерила парня долгим, не предвещающим ничего хорошего взглядом. Мужчина этого, казалось бы, не заметил, больше заинтересованный в этот момент содержимым бокала, который держал в руках. Когда же он, наконец, соизволил поднять глаза, леди уже не смотрела на него, быстрыми, дергаными движениями оправляя свой элегантный красный брючный костюм.

– Ты совершила ошибку, и теперь нам надо подумать, каким образом мы её будем исправлять, – отставив бокал на столик, франт встал со своего кресла и подошёл прямо к ней. – Да ладно тебе... Неужели ты думаешь, что эта мелкая сучка смогла была увести меня у тебя...

Произнося эти слова, он обвил руками талию женщины, которая хоть и выглядела молодой и красивой, но всё же была намного старше его, и попытался притянуть её к себе. Она позволила ему это сделать, но, когда мужчина хотел поцеловать её в ярко-алые под цвет костюма губы, нанесла быстрый, точный и очень сильный удар коленом между ног.

Франт, издав хриплый стон, согнулся, схватившись за пострадавшую промежность, с удивлением уставившись на свою любовницу слезящимися глазами. Женщина тут же нанесла магический удар, мгновенно сбивший его не такой уж и сильный щит. Парень мешком повалился на пол, оглушённый кроме боли в паху теперь ещё и звоном в голове, и тут же получил острым носком туфельки по передним зубам.

Ногой перевернув его на спину и выбив из дрожащей руки ПМК, который юноша всё же как-то сумел вытащить из кармана, Вика Степановна склонилась над окровавленным лицом и, заглянув в переполненные страхом глаза ничего не понимающего мужчины, отдельно чеканя слова, произнесла:

– Никто не смеет так называть мою дочь! – Женщина распрямилась, а затем резко, зло шипя, несколько раз ударила его каблуком прямым в бледное лицо.

Молодой человек, утративший всю франтоватость, вереща, пытался хоть как-то защититься от побоев, а затем просто сжался, прикрыв голову руками и, подтянув колени к животу, тихо заскулил. Пнув его ещё пару раз, Герцина-старшая усмехнулась и, подойдя к своему столу, провела пальцами по антикварной бронзовой статуэтке Афродиты, державшей над головой небольшую амфору. Ноготь скользнул по обнажённому бедру древнегреческой богини и пробежался по рельефному ободку массивной мраморной подставки на львиных лапках. Ладонь крепко сжала точёный стан фигурки и оторвала её от стола.

– Бирюков, скажи... – мягко произнесла она, поворачиваясь к всё ещё стонущему на полу молодому человеку. – Ты действительно думал, что я не узнаю о том, что ты испортил

эликсир? Неужели ты реально надеялся, что я позволю какому-то там смазливому баронету, всего лишь паршивому Адепту, обрюхатить мою дочь и возведу твоего ублюдка на трон? Я знала, что ты глуп, но не думала, что настолько! Неужели ты решил, что если я сплю с тобой, то позволю быть кем-то большим, нежели ты заслуживаешь? В общем, это уже не важно. С тобой, «милый», было хорошо, но...

– Не надо! – заорал парень, и в следующий момент тяжёлая подставка от статуэтки с размаху опустилась ему на голову.

Хрустнула кость, но женщина не обратила на это ровным счётом никакого внимания. Она продолжала наносить удары, вкладывая в них всю свою злость: на себя, на этого непонятно откуда взявшегося Аватара, на лопатинскую внучку и на свою собственную дочь, которая так ловко соскочила с её крючка. Ну и естественно, на своего любовника – баронета Бирюкова, возмнившего о себе невесть что и, воспользовавшись доступом к лабораториям, испортившего и без того далеко не самый идеальный план.

Отбросив окровавленную статуэтку в сторону, она, раскрасневшись, тяжело дыша и пошатываясь, добралась до своего рабочего кресла и почти упала в него, чувствуя, как быстро уходит гнев и как начинают дрожать её руки. Обессиленно откинувшись на спинку кресла, Вика Степановна ещё раз прокрутила в голове события последних дней.

«Ладно... – с горечью подумала она. – То, что этот Кузьма чуть было не загнулся из-за испорченного Антоном эликсира, это понятно. Но как у Инны хватило смелости поступить так со мной! Неужели я мало для тебя сделала... Или всё же?!»

Она ненадолго задумалась. Женщина ни секунду не сомневалась, что решение войти в фаворитарный брак под своей младшей сестрой пришло в голову именно её дочери. Подобный ход конём был вполне в её стиле, и Вика Степановна не могла не признать, что, несмотря на определённые минусы этого шага, у него были и многочисленные плюсы, разглядеть которые могли только те, кто уже давно варится в имперской политике и родовых аристократических дразгах.

Несмотря на случившееся, Святослав всё ещё не лишил своих младших дочерей права на престол, а это значит, что и на них, и на этого Аватара у него есть определённые виды, которым это никак не мешает. Шаг вполне понятный, ведь не может же он реально рассчитывать только на ещё не рождённого сына, будущую мать которого, по сообщениям родовой разведки Герциных, прячут где-то на Урале. Да даже если тот действительно родится и будет объявлен кронпринцем, то Инна с Ниной станут великими княгинями. В отличие от остальных пяти старших дочерей, которые сейчас носят простой княжеский титул.

Главное, что парень и внучка Лопатиных ещё даже не помолвлены, а Инна уже сейчас получила вполне официальный и, главное, неотъемлемый статус при своём «супруге в магии». И не важно, как это произошло, потому как магия бумажек не признаёт. Что при этом никак не ущемляет её права, а также её детей на престолонаследие и не наносит вред репутации, потому как она перешла в подчинённое положение своей собственной сестры. К тому же, Герцина криво улыбнулась, из-за правовой коллизии, вызванной всеми этими фактами, вторая – всегда может стать первой. Нужно лишь немного помочь цесаревне Нине, которая пока что официально мальчишке-Аватару никто, уступить это тёплое местечко, ведь из-за состоявшегося ритуала сама фаворитка уже не может пойти на такой шаг.

«Хороший ход, дочка, – хмыкнула женщина, откидывая с лица волосы, слипшиеся от крови бывшего любовника. – И правильно, что ты не стала мне ничего сообщать, потому как сказанное или написанное – всегда может попасть в чужие руки. Не волнуйся, я тебе помогу!»

Нажав на кнопку вызова личного секретаря, Герцина дождалась ответа и потребовала к себе в кабинет главу собственной секретной службы. Когда он как обычно с каменным, непроницаемым лицом появился в её кабинете и без особого интереса осмотрелся, она приказала ему избавиться от тела. Более ничего не требовалось, потому как верный исключительно ей

старый служака в уточнениях не нуждался, и женщина была уверена, что может выбросить этот инцидент из головы, потому как ни единая улика никогда не укажет на её причастность к смерти баронета.

Встав, Вика Степановна направилась к выходу из кабинета, дабы не мешать безопасникам. Да и ходить в таком виде, пусть даже по собственному особняку, было глупо, а значит, следовало принять ванну и переодеться. На секунду она остановилась у ростового зеркала и окинула своё отражение быстрым взглядом.

Губы женщины презрительно скривились. Они никогда не любила и не носила одежду красного цвета, ну а сегодня этот костюм был всего лишь одним маленьким знаком её бывшему любовнику, который он проигнорировал. Он, конечно, был хорош в постели, но мозгов у него в голове было маловато. В чём она убедилась лично.

* * *

Магическая пуля прошла одного из ботов, изображавших из себя воина уровня Ротмистра, и тот рассыпался на сотни тысяч сверкающих полигонов. Не прошло и доли секунды, как то же самое произошло и с остальными пятью виртуальными болванчиками, двоих из которых настигло моё колдовство, а остальных я просто перебил быстрыми и точными ударами.

Из этой волны в живых остался только необычайно юркий маг Ауктор, который с безумной скоростью носился по арене. Последний из четырёх подобных ему товарищей. С предыдущими особых проблем не было, так как я всё равно был намного быстрее, а вот этот оказался какой-то особенный. При моём приближении он словно бы исчезал, чтобы появиться чуть в стороне и осыпать меня шквалом выстрелов из пистолетовидных боевых ПМК, которые держал в обеих руках.

Двумя скользящими скачками он скрылся за располагающейся у меня за спиной колонной из массивных, медленно вращающихся кубов, в которую в то же мгновение обрушился град ледяных шипов. Сорвавшись с места и вихляя между то поднимающимися из земли блоками, то скрывающимися в ней, образуя провалы, я оказался возле бота, который тут же повторил свой фокус с прыжком. Впрочем, на этот раз я был к этому готов и сразу же взвился в воздух, спиной назад, закручивая своё тело в волфлипе с винтом и одновременно нанося энергетический удар, который Наставник называл «Копьём», по появившейся в мерцании фигуре.

Искусственный интеллект, управляющий магом, среагировать на невидимый, но тем не менее смертоносный выпад не смог. Силовой конус ударил его прямо в грудь, и он привычно уже лопнул, разбрасывая в разные стороны сверкающие треугольники.

Подвернувшись ещё раз в воздухе, я поймал ногами бок цилиндрической колонны, оттолкнулся, набирая высоту, как часто делал это под присмотром «Варяга» в осиннике за Старым Чулымом, ухватился за парящий куб и на долю секунды шаткую опору, маховым сальто назад взлетел на самый верх одного из возвышающихся над ареной неподвижных и монолитных столбов.

Проследив взглядом уносящийся в противоположную сторону куб, вплоть до того момента, как он врезался во внутреннюю поверхность накрывающего арену купола и рассыпался облаком ярких искр, посмотрел вниз, на раскинувшуюся подо мной виртуальную площадку. То, что в начале теста, когда на меня напали орды изображавших «единичек» ботов, выглядело простой бесконечной равниной, окружённой туманной пеленой, из которой вытекала казавшаяся бесконечной лавина Неофитов и Юнкеров, сейчас превратилось в настоящий геометрический хаос.

Вспомнив, как отбивался от этой бездумно прущей на меня армии вооружённых, а порой и нет виртуальных болванчиков, я недовольно поморщился. Они не представляли собой ничего особенного, но их было много, а стоило лишь задуматься, что на месте каждого из ботов мог бы

быть самый настоящий живой человек, становилось как-то не по себе. Особенно если вспомнить, какие просеки оставляли после себя мои энергетические удары и магические пули, в то время как я и сам ударами рук и ног изводил их сотнями, неотвратимой смертью скользя между их белыми телами, очень напоминающими дизайны классических андроидов.

В общем-то, понятно, почему подобные тесты проводились именно в виртуальном пространстве. В то время как моё реальное тело, опутанное множеством проводов, датчиков и сенсоров, с десятком игольчатых щупов, загнанных под кожу, в мышцы и вены, с огромным шлемом на голове, напоминающим советскую сушилку для волос, утыканную литровыми банками, болтается в колбе, заполненной каким-то дико фонащим магией, тягучим и пузырящимся раствором кислотно-зелёного цвета. Ну и надо ли говорить, что находилась вся эта установка почти на километровой глубине под землёй, в маленькой камере-бункере, по словам учёных, способном выдержать близкий термоядерный взрыв.

Признаться, подготовка к данному погружению была далеко не из приятных. Во-первых, само по себе это помещение, в которое меня привели, заставило задуматься о «вечном», а также вспомнить жуткие рассказы Сафронова о несчастном негре-колдуне, попавшем в негостеприимные китайские руки. Особенно учитывая улыбающуюся азиатскую морду профессора-казаха Жаксылыка Эргалиевича Амангельды, который рассматривал меня с профессиональным интересом владельца мясной лавки. Во-вторых, уколы, оказались на удивление болезненными, зелёная дрянь первые секунд пятнадцать сильно жгла кожу, пузырясь при соприкосновении с ней, однако труднее всего было заставить себя первый раз вдохнуть эту мерзость, погрузившись в неё с головой. Но ничего – сдюжил.

– Кузьма Васильевич, как самочувствие? – раздался в голове голос профессора, смягчённый национальным акцентом.

– Да вроде неплохо, Жак-сы-лык, – старательно выговорил я непривычное имя, – Эргалиевич. Практически не чувствую, что это тело виртуальное.

– Но разница всё-таки есть?

– Да, – я задумался и добавил: – Не в пользу этого.

– Понятно, – ответил он. – Поэтому, видимо, синхронизация пока что только девяносто три процента. Тогда, Кузьма Васильевич, я запускаю новую волну, а вы, голубчик, уж постарайтесь уничтожить ботов «пятого плюс» ранга так быстро, как только сможете. Очень прошу вас приложить все усилия.

– Хорошо, – не зная, видят меня или нет, я кивнул, глядя сверху вниз на то, как из туманного марева купола выбегают маленькие человеческие фигурки, и спрыгнул вниз.

Через полторы минуты всё было кончено. Последний виртуальный маг рассыпался полигонами, получив сокрушительный удар коленом по голове, и со мной вновь связался профессор.

– Кузьма Васильевич, синхронизация достигла девяносто восьми процентов. – Он ненадолго замолчал, видимо сверяясь с показаниями приборов. – Сейчас мы сделаем пункцию резервуара Сансары и начнём забор материала для выявления аспекта. Приготовьтесь, дальше до конца теста противники будут постоянно усиливаться и появляться без перерывов.

– Понял.

– Тогда я начинаю.

Первые противники появились на другой стороне поля. По ощущениям это была группа Магистров и один Ротмистр. С ними я справился быстро, и хотя это были уже довольно серьёзные одарённые, «сложность» ботов, которая здесь напрямую зависела от знаний и умений их прототипов, была всё ещё невысока.

Почти сразу же, без перерыва на меня напали ещё два воина-«пятёрки», с ними уже пришлось повозиться, потому как один из них изображал из себя мастера меча, а второй был отличным рукопашником из какой-то китайской школы. Но самое главное, они были приучены

работать парой, а потому постоянно маневрировали, пользуясь изменяющимся ландшафтом, стараясь нападать на меня с разных сторон и выискивая малейшие ошибки, за которые сразу же пытались наказать меня словно нерадивого ученика.

Пропустив свистнувший клинок над головой, я рывком вошёл в клинч с мечником, но прежде чем успел что-либо сделать, второй боец оказался возле меня, и в голову полетел удар, от которого я вряд ли бы смог увернуться, если бы не подставлялся целенаправленно. Сформированная практически вплотную к телу магема «Магической пули» наискосок пробила живот рубаки, подбросив того в воздух, я же, падая на землю, засадил его напарнику пяткой в пах, буквально чувствуя, как под стопой проламываются щиты, раскалывается железная рубашка и стопа впивается в виртуальную плоть.

Звона рассыпающихся полигонов я не услышал, потому как пришлось резко, взвинтив темп, откатиться в сторону, так как на то место, где я только что находился, рухнул искорверканный кусок местного ландшафта. Видимо, именно так, в этом пространстве интерпретировалась магия аспекта земли. Оказавшись на ногах, ломая попытавшееся задержать меня заклинание «Каменных оков», я бросился в сторону Магистра, мгновенно укрывшегося за вырвавшейся из-под поверхности земли «Каменной стеной», обычно состоящей из спрессованного под огромным давлением грунта.

Проломив её плечом, я накрыл щитом взметнувшиеся в мою сторону бритвенно-острые шипы и, высоким прыжком пропустив под собой очередь, выпущенную из пистолета-пулемёта, коршуном упал на дёрнувшегося было разорвать дистанцию мага. Со звоном разбились мощные щиты, и тело бота превратилось в осколки.

В этот же самый момент я почувствовал, что происходит нечто странное. На меня явно влияла чья-то чужая магия, но как, понять не мог. Да и времени у меня на это не было. Я только и успел заметить, что от моей ауры тянутся исчезающие отростки. Словно бы кто-то ущипнул воздушный шарик и потянул, растягивая резину.

Что это такое, я не знал, да и самого заклинателя пока что не видел. Впрочем, искать его по всей арене было мне сейчас не с руки. На меня навалились сразу трое «Бригадиров», воинов пятого ранга, и явно неквалифицированный «Комиссар»-«шестёрка». От того, что бот копировал только-только перешедшего на новый ранг одарённого, он не становился менее опасным противником, да и поддержка со стороны его товарищей также сказывалась. Так что мне стало прилетать, и не всегда моя железная рубашка справлялась с поглощением повреждений.

После очередного мощного пинка, слава богу, заблокированного мной, я отлетел спиной вперёд метров на десять и врезался в один из массивных блоков арены, раздробив его собой и некоторое время побарахтавшись в обломках. Встать получилось с трудом, всё тело дико болело, а в глазах двоилось. Из своих противников я смог достать только одного «Бригадира», да и то по чистой случайности, и сейчас я с уверенностью мог сказать, что вышел на свой предел по способностям как рукопашника, магия же моя против этих ребят так и вовсе не работала. Опытные «пятёрки», к которым можно, в общем-то, отнести и недавно открывшего «Третий глаз» Комиссара, всё же превосходили меня в мастерстве кулачного боя, да и опыта у управлявших ими маджи-искинов было больше, чем у меня.

Пошатываясь, я сделал несколько шагов, отмахнулся от энергетического удара и тут же, вращаясь, полетел на землю, поймав классический моваши-гери прямым в голову. Кубарем прокатившись метров пятнадцать, разбивая встречавшиеся на моём пути тонкие блоки, я остановился, ударившись о медленно ползущий куб, и, с трудом приподняв голову, посмотрел на медленно приближающихся противников.

Боты не торопились, и пусть на их лицах не отображалось никаких чувств, в этот момент мне показалось, что они надсмехаются над поверженным противником, словно бы мстя за всех ранее встреченных мной и более слабых товарищей. «Алмазная рубашка», последнее средство личной защиты из моего арсенала, ещё кое-как держалась, однако оставалось ей не долго.

Левая рука, сломанная в двух местах, была вывернута под неестественным углом и жутко болела, хотя я и воспользовался техникой, сильно повышающей болевой порог.

С трудом приподнявшись на правое колено, я попытался было встать, но в этот момент «Комиссар» резко ускорился. Отреагировать я уже не успел, только... даже не услышал, почувствовал, как со звоном лопнула защита, грудь обожгло болью и меня подбросило в воздух. Удар ладонью снизу-вверх я вроде бы выдержал, в последний момент сконцентрировав сгусток энергии в месте соприкосновения, и был ещё жив, но явно ненадолго.

От чего-то подумалось, что именно так, ну или похожим образом я в своё время отправлял в полёт других людей, и вот теперь сам могу прочувствовать, что это такое, когда тебя пинают как футбольный мяч, и ты летишь, кувыркаясь в воздухе безвольной куклой, ожидая, когда и, главное, как тебя встретит земля. Время как-то само собой замедлилось, и я с безразличием наблюдал за бегущими подо мной ботами, проплывающими мимо меня колоннами и полупрозрачной человеческой фигуркой, сидящей на вершине одной из них.

«Ну, надо же! Всего-навсего малефик-Адепт, а ты, Кузьма, так лоханулся... – мелькнула в голове мысль, показавшаяся чужой. – Обычный “проклинатель” – что-то типа колдуна “наоборот”».

Я усмехнулся. Вытянул в сторону виртуального болванчика руку, тот, поняв, что его заметили, отшатнулся, попытался прыгнуть – но было уже поздно. «Магическая пуля» прошла его тело насквозь, и он рассыпался. Я же вдруг отчего-то очень сильно разозлился. Помирать мне не хотелось – даже понарошку. Как минимум – сдохнуть, так и не используя все свои возможности.

Это произошло, как и в те прошлые разы, когда я набирался храбрости и открывал свою последнюю, седьмую чакру «Сахасра». В голове тут же прояснилось, боль ушла, а наполненное безудержной энергией тело изогнулось, мгновенно излечивая все повреждения. Мир потемнел и начал разрушаться, рождая сгустки тёмной материи, запыхал круговорот пляшущих тёмных молний.

Я медленно, потому время как таковое в этом состоянии казалось мне бессмысленным, повернул голову и посмотрел на бегущих по земле противников. Не знаю, что произошло дальше, но на их месте материализовались тёмные шары и боты исчезли вместе с окружающим их пространством. А затем я почувствовал чьё-то присутствие и так же неспешно обернулся.

На осыпающуюся осколками арену вышел ещё один человек. Точнее, фигура, ярко-синий вихрь, в котором едва можно было различить человеческий силуэт. Она напоминала то, как выглядел герцог Сафронов в тот единственный раз, когда я видел его в истинном обличье, но если он напоминал мне солнце, принявшее вдруг антропоморфную форму, и от взгляда на него обычным зрением начинали болеть и слезиться глаза, то у этого Аватара был какой-то другой, возможно даже, стихийный аспект.

Подняв руку, я посмотрел на неё. Да, я был не магом, а колдуном, а потому мое тело не изменялось, зато вокруг него бушевало кроваво-алое пламя, на лепестках которого поигрывали отблески иных цветов. В голове сам собой родился вопрос: «А что же я всё-таки такое?» После чего я понял, что время на размышления вышло, и в виртуальном пространстве быстро уничтожающейся арены столкнулись два враждебных сейчас друг к другу аспекта.

* * *

Какое-то время я откашливался, отхаркивая из лёгких отвратительную зелёную жижу, затем продышался с помощью поданной услужливыми лаборантами дыхательной смесью, и меня вывернуло в специально подставленный одним из них тазик. Только тогда мне полегчало, и я смог осмотреться.

Агрегат, в котором я проходил виртуальное тестирование, выглядел помятым и искрился. В воздухе, несмотря на усиленную работу очистителей, стоял неприятный запах палёного пластика и какой-то химической бурды, а резервуар, в котором я плавал всё это время, треснул и протекал зелёной гадостью.

Впрочем, всё это не смущало казаха-профессора, который разве что не приплясывал вокруг техников, извлекавших из защищённого бока прибора какие-то обгорелые платы и почерневшие кристаллы. Увидев, что я более-менее пришёл в себя, он тут же подскочил ко мне и принялся засыпать кажущимися мне сейчас бессмысленными вопросами.

Я же, как мог, отвечая на них, думал о том, что пусть в виртуальности, но находился с открытой седьмой чакрой куда как дольше отведённого мне «Варягом» срока. И не сказать, что мне это не понравилось. Выбрав момент, когда Жаксылык Эргалиевич замолчал и начал что-то яростно печатать на своём рабочем планшете, я с усмешкой спросил:

– Ну, и что скажете, профессор. Какой у меня там аспект? Тьма? Мне можно уже считать себя Тёмным Властелином? – И отчего-то невесело пошутил: – Главное потом с Чёрным не перепутать...

– Что? – казах непонимающе посмотрел на меня. – Какая такая «Тьма»?

– Ну, как там положено – затмение белого света, разрушения разные, – я неопределённо помахал рукой. – Страх, ужас и всё такое.

– Глупости какие, молодой человек. Вы же не Савелий Петрович Афросьев, право слово. Не стоит у других Аватаров хлеб отнимать! У вас, Кузьма Васильевич, всё намного, намного интереснее для науки! Мы даже не представляли, что такие аспекты бывают, и если бы кое-кто не вспомнил одну поднятую в своё время на смех теорию, то...

– Жаксылык Эргалиевич, не томите! – попросил я, сгорая от любопытства, но тот как назло выбрал долгую паузу.

– Антиматерия! – наконец гордо воскликнул он. – По нашим предположениям, ваш аспект – Антиматерия!

– Э-э... – я нахмурился. – А это хорошо или плохо?

– Это – интересно! – улыбнулся казах, и я вновь почувствовал себя бараньей тушей на прилавке мясника.

Глава 5

В подмосковную резиденцию Его Величества мы с девочками вернулись уже за полночь на том же самом челноке. В отличие от меня, почти сутки проведшего в заботливых руках светил отечественной науки, красавицы всё это время куковали в зоне отдыха, проводя утомительные часы в спа-салоне, мучаясь неизвестностью в элитном ресторане с французской кухней, надрываясь в бассейне и в зале голографических игровых автоматов, а также страдая в руках умелых массажистов. Так что, глядя на довольные и немного усталые мордашки квартета страдалниц, которым пришлось столько всего пережить из-за моей неблагодарной персоны, меня так и тянуло их пожалеть. Причём всех четверых, потому как показательно выделять малознакомую пока что Евгению Касимову из нашего маленького коллектива показалось не шибко-то правильным.

Во время обратного перелёта мне оставалось только тихо хмыкать и качать головой, глядя на две пары весело шушукающихся между собой сестёр, как будто и не было всего-то несколько дней назад между ними необъявленной холодной войны. Стена, которую, как я понял из объяснений, возвели между Инной и Ниной родственники, желающие взобраться на самый верх политического олимпа страны, рухнула, и сейчас девушки, похоже, спешили выговориться друг другу, навёрстывая упущенное за прошедшие годы время. В общем-то тем же самым занимались и Ленка с Женей, почти с самого детства находившиеся в услужении у цесаревен, а от того вынужденные хранить и оберегать их секреты в том числе друг от друга.

Впрочем, мучения подружек на этом не закончились. Всем им предстояло пострадать за меня ещё немного, на этот раз давась тортиками и захлёбываясь чаем, потому как сразу же по прибытии мою светлость желал видеть Его Величество император Всероссийский для приватного разговора. Так что возвращение домой немного откладывалось.

Остановившись вместе с Фёдором Игнатьевичем перед знакомыми уже массивными дверями в кабинет императора, я покосился на неподвижных гвардейцев, неподвижными статуями стоящих по левую и по правую сторону от входа. И тот и другой были облачены в боевую броню, аналогичную той, которую подарили мне КГБшники, хотя на первый взгляд узнать эту модель было очень и очень сложно. Видимо, это был какой-то особый, парадный вариант, потому как если я в своих здорово смахивал на какого-то жутковатого демона, то стоящие передо мной бойцы напоминали футуристических рыцарей. Такие изменения внешнего вида были, в общем-то, логичными, потому как в задачи дворцовой стражи не входило пугать своим обликом высших чинов государства в полевых условиях.

Поверенный Его Высочества доложил, хотя я был уверен, что император уже прекрасно осведомлён о нашем прибытии, а затем, пропустив меня внутрь, аккуратно прикрыл дверь.

– Ваше Величество, Кузьма Ефимов прибыл по... – начал было я заранее заученную с подачи Фёдора Игнатьевича фразу.

– Довольно! Виделись уже, – оборвал меня самодержец, раздражённо махнув рукой в сторону одного из установленных перед столом стульев. – Проходи, садись.

– Да-а... – произнёс он, дождавшись, пока я размещусь на указанном месте, поглядывая на один из висевших над его столом голографических экранов, и повторил: – Так вот ты какой, северный олень...

– Как-то «Оленем» быть не хочется...

– Ну, тогда будешь «Аленьким цветочком», – хмыкнул император. – И колер к тому же совпадает. Ну что, Кузьма, могу тебя поздравить, ты не только дочек моих попортил, так ещё и ценное материальное имущество разнёс вдребезги. И что с тобой теперь делать, Аватара ты антиматериальная? Профессор Амангельды теперь с ума сходит. Требуется немедленно отдать в безраздельное пользование отечественной науке.

– Не хотелось бы, – я поёжился, вспоминая учёного казаха.

– Вот и мне не хотелось бы, – усмехнулся Его Величество. – А Магомету ты всё-таки поединок слил...

– Кому? – не понял я.

– Магомету Азисовичу Двамалиеву, Аватару аспекта воды, чью виртуальную копию выпустили против тебя под конец тестирования, – пояснил Святослав Андреевич. – Да не хмурься. Знаю, что первый раз с равным встретился, так что здесь расстраиваться нечему, ты ещё хорошо держался. Савелий, так тот почти сразу же сдулся, а ты ничего, молодец! Подрастёшь, опыта поднаберёшься, а там тебя Сафронов быстренько поднатаскает.

Его Величество замолчал, задумавшись о чём-то своём, а затем, покачав головой, пробубнил себе под нос: «Ну надо же... Антиматерия! Третий “глобальный” аспект на страну...»

– Вот что, – встрепенулся он. – Об аспекте своём пока молчи! Кого надо – я сам в известность поставлю, а остальным будешь говорить, что, как и твой дед – склонен к огню. В документах так и запишем. Главное, чтобы информация к нашим заклётым партнёрам не ушла, а то им она костью в горле встанет, могут попробовать учудить что-нибудь нехорошее.

– Вы про американцев? – осторожно спросил я.

– И про них в том числе, – ответил Святослав Андреевич.

– Тут такое дело, – произнёс я, – мне вроде как к ним под Новый год на суд ехать предстоит.

– Знаю, – отмахнулся мой собеседник. – По делу Бельской. Не сказал бы, что мне это по душе, но тут не волнуйся. Если сам не нарвёшься, тебя не тронут. Наоборот, пылинки сдувать будут. Открыто перед Конгломератом Наций Либерократия подставляться не станет, а ты будешь под их защитой. Ну да ладно, об этом ещё поговорим отдельно, сейчас давай о текущих проблемах.

– Слушаю вас.

– Во-первых, твой новый титул, – Его Величество улыбнулся. – Признаться, я ожидал от тебя немного иной реакции. Более... бурной, что ли. Мне докладывали, что ты вполне можешь встать в позу и отказаться от своего «наследства». Из-за личной неприязни, так сказать.

Он вопросительно взглянул на меня.

– А смысл? – я пожал плечами. – Старик тут ни при чём, что он там решил – дело его, а мне зачем самому себе создавать лишние проблемы? Я же не вымышленный персонаж из какого-нибудь городского фэнтези, чтобы с умным видом воротить нос от подобных предложений, оправдываясь гипотетическими проблемами... Надо, значит, надо. Да и Нина с Инной...

– Хорошо, что ты это понимаешь, – произнёс император, а затем заговорщицким тоном спросил: – Фантастику любишь?

– Ну да... – я немного смутился, неопределённо поведя рукой. – А что? Никогда не разделял мнения, что «умные люди» в обязательном порядке должны зачитываться именно классической литературой.

– Да ничего, – ответил Его Величество. – Я тоже люблю. Тех же Стругацких. Только это секрет, потому как некоторые подданные подобного увлечения могут и не понять.

– Я вот что спросить хотел, – я нахмурился, припоминая вопрос, который во время всей этой поездки не давал мне покоя. – Если... Если титул перешёл ко мне в наследство от старого хрыча, но почему «Ефимов»? Разве не должен я был стать Митрофановым? К тому же один герцог Ефимов уже есть... Губернатор Минска.

– А ты бы хотел стать Митрофановым? – внимательно и серьёзно посмотрел на меня император. – У тебя же, насколько я понимаю, всё, что связано с дедом, вызывает жуткую аллергию.

– Не хотел бы, – честно ответил я. – Но если...

– Вот и твой дед так же подумал, – не дал мне закончить фразу Святослав Андреевич. – Поэтому, принимая титул, пожелал сменить фамилию. А то, что у нас теперь в Империи два рода Ефимовых будет, так и что с того? Мало ли в стране однофамильцев? Чай, у нас не Япония, с многотысячелетними родами, а вполне нормальная посткоммунистическая держава. Утрясётесь. К тому же титул другим Ефимовым дан не по заслугам, а по владению, и в «Чайный клуб» Григорий Александрович Ефимов – герцог Минский, не входит.

– «Чайный клуб»? – недоумённо переспросил я.

– Именно, – улыбнулся император и пустился в объяснения.

Под таким незамысловатым названием, как оказалось, скрывалось, ни много ни мало, а настоящее правительство нашей страны. Не Кабинет Министров в Имперской Канцелярии, назначаемый императором, не Дума и не Совет Империи, политическое шоу, с которыми под названием «Демократические выборы» периодически устраивалось для народа в стране. «Чайным клубом» называлось собрание «Аватаров» и «Воевод», одарённых седьмых рангов, которые под председательством Его Величества собственно и решали, как дальше жить нашему государству и что для этого следует делать.

Признаться честно, я в силу своего возраста, как, впрочем, и воспитания в чулымской глуши, не очень-то интересовался политикой. Да, я знал, как устроена наша Империя, и читал в Викилории, что подобный принцип управления государством называется «Гибридной Монархией». «Дума» – нижняя палата парламента, выбиралась всеми подданными, достигшими возраста получения избирательного права, раз в четыре года из самовыдвиженцев и представителей политических партий, а «Совет Империи» – верхняя палата, из представителей родовой поместной аристократии, представляющей тот или иной регион. Над ними стоял «Император», которого вполне можно было бы назвать «Президентом», если бы в реальности он не был абсолютным самодержцем. Он назначал министров, канцлера, генерального прокурора и представителей Высшего суда, и ему же на стол ложились все законы, одобренные парламентом. Впрочем, он вполне мог при необходимости или желании взять все бразды правления исключительно в свои руки. Однако подобных прецедентов пока что не случалось, ну а народные избранники, как говорят, выгодно отличались от таковых в Советском Союзе, потому как знали, что творить всё, что вздумается, им никто не позволит.

Вот и получался этакий «гибрид». Разумный союз парламентской республики и абсолютной монархии, который в равной мере устраивал как сторонников «Реставрации», так и экс-коммунистическое население страны с приобщёнными к ним поборниками демократических ценностей. Естественно, что имелись и недовольные, разнообразные либералы-ельцинисты и оголтелые поклонники «Непогрешимого Ленина», а также другие товарищи ультралевых взглядов, но страна, как говорится – не пряник. Всем понравиться не получится, тем более что влияние зарубежных доброжелателей с их взглядами на то, как нам следует жить в России, ещё никто не отменял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.